

МАРИНА ИНДИВИ

КНИГА ПЯТАЯ

ДРАКОНОВА АКАДЕМИЯ

Марина Индиви

Драконова Академия. Книга 5

<https://litres.ru/74204437>

Аннотация

Моя жизнь раскололась на «до» и «после». Хотя, если быть точной, меня больше нет. Мужчина, который рядом со мной, не допустит моего возвращения, а Елена, которая заняла мое место, гораздо страшнее всего, чего я когда-то боялась. Сейчас мне уже ничего не страшно: ведь прошлое не имеет к моему настоящему никакого отношения. Обрывки чувств, образы, которые иногда вспыхивают в сознании - тоже. Сейчас это всего лишь тени: любовь и радость, мой брат, друзья... Люциан. Драконова Академия.

Книгу 6 читаем тут:

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	23
Глава 3	38
Глава 4	49
Глава 5	59
Глава 6	70
Глава 7	79
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Пролог

Авторское предисловие:

Дорогие читатели! В этой части повествование происходит в двух временных линиях. Первая — настоящее, то, что происходит сейчас, второе — как все пришли к тому, к чему пришли. Для вашего удобства я буду писать "*Настоящее*" и "*За некоторое время до этого*", чтобы вы могли отследить переключение между временными линиями.

Всем приятного чтения!

Настоящее

Адергайн Ниихтарн

— В ближайшее время ты мне больше не потребуешься,
— Адергайн посмотрел на стоявшего перед ним человека сверху вниз. При том, что тот застыл перед его тронном, будучи высоким и крепким в плечах.

— Полагаю, так будет даже лучше. В Даррании сейчас сложное время, работать безопасно становится все труднее.

— Не люблю, когда мне говорят про трудности.

— Но это правда, и если...

Адергайн остановил говорившего взмахом руки. Правда, и сам не успел продолжить, в тронный зал вошел один из велифертов и низко поклонился.

— Прошу прощения, Верховный эрд, это срочно. Мы схватили тэрн-арха Даррании.

Брови Адергайна невольно приподнялись, что же касается визитера, тот застыл столбом.

— Которого из тэрн-архов?

— Младшего. Он пытался проникнуть в замок, предположительно, пришел за Драконовым. Считал сложный порталный след.

Темный медленно перевел взгляд на мужчину.

— Это невозможно! Я предпринимал все меры... Меня не могли раскрыть...

— Драгона ко мне, — перебил его Адергайн, постукивая пальцами по подлокотнику. — Когда я закончу с этим, лично его допрошу.

Драконов оглянулся, словно пытался увидеть пути отступления, но их не было. Особенно после того, как за велифертом запечатались высокие, в несколько этажей, мощные двери, по которым на сей раз поползла черная лоза. Заклинание, не позволяющее войти никому. И никому выйти. Разумеется, Иван понимал, что не успеет открыть портал, но даже если и попытается, для него это закончится весьма плачевно.

— Это недоразумение, — снова попытался оправдаться Драконов. Из высоченного, уверенного в себе архимага, он сейчас превратился в того, на кого даже смотреть смешно. И в этом все люди. — Уверен, появлению Драгона есть какое-то иное объяснение...

— Какое? — вкрадчиво уточнил Адергайн.

Он терпеть не мог дилетантов. Еще больше — оправдывающихся дилетантов, которые стараются сбросить со своих плеч груз ошибки, хотя этому нет и не может быть оправдания.

— Я не знаю, но я этим займусь. Если хотите, я выясню...

— Ты уже достаточно натворил, Иван, — к голосу сына было сложно привыкнуть. Точнее, сложно было привыкнуть к тому, что теперь так звучит его собственный голос. Переход между телами оказался гораздо более неприятным, чем представлял Адергайн, но с этим можно было справиться. А вот с тем, сколько еще ошибок допустил Драконов, работая в Даррании, сколько следов оставил — возможно, нет.

— Я еще могу быть полезным, — предпринял последнюю попытку тот. — Особенно сейчас. Я...

— Как я уже сказал, ты мне больше не нужен.

С пальцев сорвались смертоносные ленты. Драконов попытался защититься, но тщетно, они прошили его лишь начавшие формироваться щиты с легкостью раскаленного ножа, вошедшего в масло. Теперь, когда возросшую силу можно было не сдерживать, Адергайн чувствовал себя всесильным. Или почти всесильным. До полного становления его власти дело осталось за малым.

Он наблюдал за тем, как тьма пожирает и иссушает тело Драконова равнодушно, спустя несколько мгновений от бывшего союзника осталась лишь горстка праха. Лоза дрогну-

ла, подчиняясь его магии, расползлась в стороны. Но, вопреки его ожиданиям, в зал вошли не велиферты с Драгоном, а Елена.

Ему нравилось называть ее так. Это имя ей шло больше остальных. Резкое, какое-то темное, как и она сама. Темный ей вообще шел. Черный цвет удачно сочетался со светлой кожей и светлыми волосами. Черное платье с мерцающими узорами серебра, неестественно светлые для темной глаза со вкраплениями черных и серебряных искр, холодный взгляд.

Определенно, Тьма была ей к лицу.

— Не ждал тебя, — без церемоний произнес Адергайн.

— Не уверена, что ты вообще кого-то ждешь. — Елена приблизилась к нему и опустилась на подлокотник кресла.
— Тебе надоел Драконов?

От нее явно не укрылось то, что осталось от него на полу.

— Надоел. Полагаю, ты уже поняла, что стало последней каплей, если ты здесь.

Иногда это здорово раздражало. Их связь. Эта девчонка при всей ее нужности могла залезть ему в голову и устроиться там, как у себя дома. Никогда раньше Адергайн не испытывал такого, и это злило. Побочный эффект нахождения в теле Валентайна, которого не должно было быть.

— Да. Драгон, — она улыбнулась уголками губ. — Что ты собираешься с ним делать?

— Не думал об этом, — коротко признался Адергайн. Хотя она и так это знала. Конечно, через защиту, которую он

выстраивал, Елена пробиться не могла. Но иногда это случалось внезапно. Как, например, сегодня.

— Не злись, — она провела пальцами по его запястью. — Мне здесь так скучно. Иногда не могу удержаться от искушения немного тебя позлить.

Он перехватил тонкое запястье.

— Не зарывайся.

— Не буду, — она закусил губу, следом прошептала, чуть подавшись к нему: — А если и буду, то что?

Вспышку ярости, полоснувшую изнутри, Адергайн подавил. Чтобы в следующий миг вскинуть голову: двери распахнулись, явив велифертов, ведущих в тронный зал Люциана Драгона.

От него не укрылось, как сверкнули ее глаза, когда она увидела мальчишку. Нет, никаких чувств у нее к Драгону не осталось, равно как и ко всем, кто остался в ее прошлой жизни. Тьма выжгла из Елены все, что когда-то было дорого: такова цена могущества. Особенно для того, кто с ним не рожден. Тем не менее сейчас ему стало интересно.

Насколько Драгон пригодится для того, чтобы хотя бы слегка приструнить зарвавшуюся девчонку?

— Соскучилась? — хищно уточнил он в ответ на ее взгляд.

Елена запрокинула голову и рассмеялась. В отличие от сестры, ее смех ему нравился. Тэйрен смеялась резко и хищно, она — звонко, обманчиво хрупко. Как ядовитый цветок:

коим, собственно, Елена всегда и являлась. Сам Адергайн ощутил это, лишь оказавшись рядом с ней. Лишь впервые за свою жизнь *почувствовав*.

Мальчишка был не в форме. Обычная рубашка, обычные брюки, обычные сапоги — все для удобства перемещения. На него уже надели браслеты, блокирующие магию. Металл из гор Нивелира обладает такими свойствами что для темных, что для светлых. Разве что узоры нужны разные.

Временами он задумывался о том, чтобы посадить магию Елены под замок в наказание за очередную выходку, но потом останавливался. Слишком хорошо, в отличие от своего сына, Адергайн понимал, что именно рядом с ней силой нельзя. Только хитростью. Только переговорами. Только компромиссами.

Что ж, Драгон появился как нельзя кстати.

— На колени, — скомандовал он. Не укрылось от него и то, как мальчишка смотрит на сидящую рядом с ним Елену: жадно, словно впитывая каждую черточку ее лица. Словно она *его*. И, впервые за долгое время, Адергайну захотелось выколоть кому-то глаза не за личное оскорбление, а за то, как смотрят на кого-то другого. Конкретнее — на девчонку, которая и так считает, что получила слишком много власти над ним. С этим определенно надо что-то делать, и чем скорее — тем лучше.

Да, Драгон действительно появился как нельзя кстати.

Чтобы опустить его на колени, потребовались усилия ве-

лифертов, буквально вдавивших парня в пол магией.

— Итак? — произнес Адергайн. — Я тебя внимательно слушаю.

— Я пришел за ней.

Хватило же дерзости. Или не хватило ума.

Он усмехнулся.

— Как?

— Тебе нужно аккуратнее выбирать исполнителей в Дар-рании.

Да, определенно с умом у него проблемы. С чувством самосохранения тоже.

Адергайну в самом деле доставило удовольствие прошептать заклинание и наблюдать за тем, как Драгон корчится на полу от боли. Елена наклонила голову и прищурилась, и это была чуть ли не первая ее серьезная реакция за последнее время. Желая воспитать Валентайна, чтобы тот открылся тьме, Адергайн взрастил абсолютного монстра. Но не из сына. Из девчонки, что была рядом с ним.

Поэтому он и не останавливался. Поэтому ждал, пока с губ Драгона не начнут срываться рваные вздохи. Ему было интересно, остановит ли. И Елена коснулась его руки своей:

— Хватит.

— Хватит? — уточнил он. Пока мальчишка хватал ртом воздух, пытаясь подняться, он внимательно смотрел на нее.

Вопрос не заставил себя ждать.

— Что ты хочешь с ним делать?

— Он мне не нужен. Я знаю, как он сюда попал. Знаю, что он пришел один и, вероятно, втайне ото всех остальных. Иначе мы бы уже почувствовали попытки полноценного вторжения. Самоубийственного вторжения, — Адергайн усмехнулся.

— Отдай его мне.

Все-таки он был прав. Прав в том, что с помощью этого мальчишки получится держать под контролем то, что он создал.

— Зачем?

Елена пожала плечами. Зевнула и, поднявшись, приблизилась к Драгону, которого велиферты только что встряхнули, снова поставив на колени.

— Затем, что, как я уже сказала, мне здесь невероятно скучно. А из него, — она положила пальцы на подбородок Драгона, вздернула его вверх, вынуждая смотреть на нее, — получится отличная игрушка.

Глава 1

За некоторое время до этого

Женевьев Анадорская

— Держите его! — прошипела Женевьев, чувствуя, как внутри все дрожит от напряжения. — Да держите же!

Держать Люциана приходилось шестерым сильным мужчинам, и они справлялись с трудом. Совсем недавно Драгон был мертв — она могла поклясться, что это так, да и любой, кто углубленно изучал целительство, мог бы. Поэтому когда Ленор Ларо (или кто она) звала на помощь, Женевьев застыла как вкопанная. У нее был шок. Она всегда думала, что готова к любым событиям, что ее воспитание, ее обучение позволят ей хладнокровно действовать в любой ситуации, но в тот момент она смотрела на мертвого Драгона и не могла пошевелиться.

А потом что-то произошло. Точнее, что-то сделала она. Ленор. Кто-то еще. Темная. Она его вернула. С помощью самой Тьмы, с помощью Лозантира, с помощью непонятно чего и непонятно чего еще. Женевьев надеялась только, что это увидела лишь она. Потому что внешне — внешне — все выглядело так, будто Люциан Драгон просто пришел в себя после ранения сильнейшим темным заклинанием и падения с высоты, после которого не выживают.

Все они видели клубящуюся вокруг Ленор Ларо и вокруг

него тьму, которая на миг полностью их поглотила, высосала все краски даже из ночи, гораздо страшнее, чем то, что сделал Валентайн Альгор. А потом она почувствовала, на уровне жизненных контуров, что он снова здесь. Поэтому сразу бросилась к нему.

Поэтому сейчас боролась за его жизнь на пределе сил, но... проблема заключалась в том, что смерть не хотела его отпускать.

Он дышал рвано, все его жизненные контуры искрились, словно надорванные, угловатые, искореженные. Именно поэтому он выгибался поломанной куклой, не давая ей даже толком провести по ним исцеляющую магию. Его собственное исцеление сбоило, и Женеьев смутно представляла, какая боль сейчас проходит сквозь его тело.

— Люциан, — хрипло позвала она и не узнала собственный голос. Ее ладони все были в его крови и дрожали от напряжения. — Люциан, пожалуйста... Помоги нам.

Вряд ли он даже ее слышал. В широко раскрытых глазах, в которых зрачок заполнял собой всю золотую радужку, рвано пульсировала золотая магия. Вспыхивал и гас золотой ободок.

Женеьев судорожно вздохнула и снова сосредоточилась на исцеляющем процессе. Ей нужно было сосредоточиться, как никогда раньше, потому что каждое мгновение отнимало у Драгона шанс на жизнь. Наконец ей удалось зацепиться за дрожащие контуры, плеснуть в них собственной силы. Они

начали выравниваться, но порадоваться Женевьев не успела.

Магия, отданная ему, словно втянулась в бесконечную воронку, прорву, растаяла в его теле. Через надорванное крыло. Драконья ипостась, полуоборот требовал бесконечного ресурса на восстановление, а у нее уже начинала кружиться голова. В окружающем их мраке созданного Альгором купола, все еще накрывающего дворец, Женевьев видела свои ладони полыхающими золотом. Настолько, что временами хотелось зажмуриться.

— Люциан не сможет закрыть полуоборот с такой раной, а значит, выход только один, — произнесла она, глядя в глаза одному из мужчин. — Нам придется убирать крыло.

Тот посмотрел на нее как на безумную.

— Иначе он умрет, — Женевьев обвела взглядом остальных. — И он должен оставаться в сознании, потому что когда все закончится, мне надо будет, чтобы он восстанавливался сам. Мне не хватит сил его вытащить.

Она впервые признавалась в собственной слабости. Хотя... можно ли это назвать слабостью? Ресурс Драгона в разы больше ее, ей просто нужно запустить процесс исцеления, просто нужно ему помочь. Даже если бы она могла отдать всю свою жизнь, без его усилий ничего не получится. Ему просто не хватит всей ее магии.

— Люциан, — снова позвала она. — Люциан, послушай меня...

Никакой реакции.

Женевьев отерла со лба пот тыльной стороной ладони. А после наклонилась к самому его уху, на мгновение набросив на них двоих *Cubrire Silencial*.

— Ленор спасла тебе жизнь, — инстинктивно тихо, еле слышно произнесла она. — Ты же не хочешь, чтобы ее усилия прошли даром?

То ли имя Ленор сработало, то ли ее близость. Может быть, и первое, и второе вместе, но Драгон на мгновение зажмурился, рвано со стоном вздохнул, а после снова открыл глаза.

— Мне нужно убрать раненое крыло, — произнесла Женевьев, глядя ему в глаза. — По-другому тебе сейчас не хватит сил. Туда уходит все твое и мое исцеление.

Кажется, за все это время он впервые сделал что-то осознанно. Моргнул. Или просто открыл и закрыл глаза в знак согласия.

К сожалению или к счастью, Женевьев видела магическое отсечение только в теории. На примерах, созданных магистрами для демонстрации adeptам. Поэтому сейчас на миг закрыла глаза, вспоминая мельчайшие детали, как происходит операция. Память не подвела, выложив все схемы расчетов и действий, но оставалась одна проблема: все магические отсечения проходили под заклинаниями, когда пострадавший был без сознания.

Сейчас же...

— Прости, — прошептала она то ли себе, то ли ему. —

Или сейчас, или никогда.

Понимая, что еще миг — и просто не сможет это сделать, Женевьев собрала все связующие заклинания, выстроив и режущий контур, и запечатывающее исцеление.

— Переверните его, — скомандовала быстро. И, когда мужчины подчинились, положила ладони на надлом и рваную рану крыла.

Крик Драгона полоснул по сознанию с той же силой, что и удар собственной магии. Откатом Женевьев чуть ли не повело в сторону, лишь усилием воли она удержалась на грани, запечатывая рану и восстанавливая пульсирующие контуры.

— Люциан, исцеляйся, — прошептала она, запуская частицу собственной силы. — Пожалуйста. Исцеляйся.

И облегченно вздохнула, когда увидела, как его контуры наполняются силой. Сначала слабенько, понемногу выравниваясь, потом все ярче, ярче и ярче. Люциан все-таки потерял сознание, но это было уже неважно. Процесс исцеления был запущен. Теперь магия течет внутри него, подчиняясь жизненному потоку, ему больше не нужно это контролировать.

От пережитого Женевьев мелко трясло. Она попыталась встать, но поняла, что не может, поэтому просто чуть сдвинулась в сторону, если не сказать — отползла.

— Надо перенести его во дворец. — На удивление голос все еще звучал твердо и сильно. — Теперь он продержится до прибытия целителя.

Купол Альгора нельзя убрать, но, лишившись подпитки, он сам себя исчерпает к утру. Или, возможно, даже быстрее.

— Вам нужна помощь? — раздался чей-то знакомый голос совсем рядом.

Женевьев попыталась повернуть голову, которая оказалась невероятно тяжелой. Рядом с ней стоял мужчина, кто-то из аристократии. Она поняла, что не может вспомнить его имя при всем желании, но его рука сейчас была как нельзя кстати. В голове все смешалось, а среди собравшихся царил хаос, доносились рыдания, всхлипывания, стоны.

— Возвращаемся во дворец, — скомандовала она, — купол исчезнет сам в ближайшее время, и к нам придет помощь. Пока же сохраняйте спокойствие и постарайтесь поддержать тех, кто в этом нуждается. Слуги помогут вам разместиться в гостевых спальнях, если кому-то нужна целительская помощь, обращайтесь лично ко мне. Те, кто могут ее оказать, тоже.

Ее голос произвел эффект. Мужчины уводили женщин, кто-то все еще продолжал рыдать, но в целом все пришло в движение, словно впервые после случившегося во дворец тэрн-арха вернулась жизнь. Женевьев расправила плечи, встречая тех, кто был готов помочь. Возможно, именно поэтому она не заметила, как пристально смотрит Иван Драконов на расплескавшееся по траве угасающим золотым пятном крыло.

Соня

Соня приходила в себя урывками. Света вокруг больше не было, как и мамы, зато была тьма. Она не помнила, что произошло, как она здесь оказалась, но из тьмы иногда проступали лица. Знакомые лица. Сезара, Люциана, Лены. Не той Лены, которую она знала всегда, а той, которая стала Ленор. Лиц из прошлой жизни словно не было вовсе, их затмевали новые. Иван Драконов. Его жена. Алина. Подружки Софии, все, кто не имел никакого отношения, к ней, к настоящей Соне. Кто не знал о ней ровным счетом ничего, а те, кто знали...

Мысль растворялась во тьме вместе с непролитыми слезами, а после Соня снова падала в холод, который сменял жар. Ей то казалось, что она замерзает где-то совсем без одежды, то приходилось ворочаться под тяжелыми, неподъемными покрывалами, пропитавшимися потом. Одежда исчезали, потом снова появлялись, чьи-то голоса доносились как из тумана. Потом затухали, но она не могла разобрать, о чем они говорят. Это был какой-то бесконечный кошмар, лабиринт забытья, из которого Соня не могла найти выход.

К счастью, никаких других кошмаров больше не было, но и этого было достаточно.

Ей казалось, что она застряла здесь навечно. В последнее время она столько раз просила об избавлении от ненавистной Даррании, что кто-то пришел и исполнил ее желание таким вот извращенным методом. Эта мысль оказалась на-

столько страшной, что Соня попыталась позвать на помощь, но голос не слушался. И тогда она поклялась, что если откроет глаза, что если еще раз увидит мир, который никогда не был ей родным, к которому она так мучительно привыкала, но который дал ей шанс на новую жизнь, никогда больше не будет просить ни о чем таком. Никогда больше не станет жаловаться.

Даже если останется совсем одна. Даже если от нее отвернутся все, если она окончательно все испортила, она примет это и будет жить. Как умеет, так и будет. Начнет все с самого начала, с чистого листа и постарается исправить ошибки, которые совершила. Получится — хорошо, не получится, значит, не получится. Но у нее будет жизнь, которая по сути своей бесценный дар. Даже если кажется, что все вокруг рухнуло.

С этой мыслью Соня снова провалилась в темноту, а очнувшись от того, что рядом, кажется, бесконечно близко, звучал незнакомый голос. Или знакомый? Она, кажется, уже слышала его, но тогда ничего не могла разобрать. Сейчас же...

— ... пока опасность миновала. Я не могу обещать, что такое не повторится, потому что, как я уже объяснил, носить ребенка с двумя сильнейшими магиями для простой женщины очень тяжело. Если не сказать, смертельно опасно. Ее организм не справляется, у вас очень сильная кровь, тэрн-ар Драгон. Не говоря уже о том, что в ней...

— Да, я понял. — В голосе Сезара помимо усталости слы-

шалась злость. — Вы сказали, что есть один выход. Какой?

— Остановить развитие плода магически, а после осторожно его извлечь. Но вы, конечно, на такое не согласитесь...

— Делайте.

— Что? — казалось, мужчина опешил.

— Останавливайте. Убирайте этого ребенка. Все равно он никому не нужен. — Вот теперь в голосе Сезара звучала исключительно злость. — Я не прощу себя, если она умрет.

— Нет! — В мыслях Соня кричала во весь голос, на самом же деле с ее губ сорвалось еле слышное, как писк крохотного котенка: «Нет». Но, как ни странно, именно оно заставило замолчать мужчин, и, с трудом, как будто заново всему училась, Соня открыла глаза. Чтобы тут же зажмуриться от света: несмотря на наполовину задернутые шторы после непроглядной тьмы этот мир показался ей слишком светлым. Впрочем, она тут же открыла их снова, чтобы посмотреть на Сезара и на стоявшего рядом с ним целителя.

— Нет, — повторила она, получилось уже громче. — Это неправда. Ребенок... нужен. Мне.

Она хотела сказать, что он ей очень-очень нужен, и что она не согласна ничего останавливать, но силы закончились, поэтому Соня просто глубоко вздохнула и посмотрела Сезару в глаза. По ощущениям — в самое сердце. Они уже очень давно так не смотрели друг на друга, с того самого дня. Точнее, ночи. Но думать о той ночи она больше не хотела, сейчас

ей хотелось думать о тысячах ночей, которые ее ждут впереди, потому что она выжила. Она получила тот второй шанс, о котором просила, и этот второй шанс она не собиралась начинать с магического аборта, с убийства собственного ребенка, пусть даже остается та самая опасность, о которой говорил лекарь. Пусть.

На глаза все-таки навернулись слезы, а Сезар вдруг отвернулся и негромко попросил мужчину:

— Оставьте нас, пожалуйста.

Тот убежал как-то очень быстро, как будто только этого ждал, но и сам целитель выглядел не очень. Возможно, просто устал? Потому что просто провел столько времени рядом с ней? А сколько, кстати, прошло времени?

— Какой сейчас день? — спросила она.

Сезар посмотрел на нее как-то странно.

— Ты не приходила в себя неделю.

— Неделю?! — вслед за восклицанием с губ сорвался выдох.

— София... Соня, — он опустился на край кровати и взял ее руку в свою, — не трать силы, пожалуйста. Они тебе сейчас очень нужны.

Вот теперь Соня все вспомнила. И предшествующий случившемуся разговор, и бал, на который они не попали. И жестокие слова Сезара, и собственные, и собственные жестокие слова в адрес Лены. И свет, в котором была мама — такая счастливая, такая нежная, такая любящая.

— Я помню, что ты сказал, — тихо произнесла она, не отнимая руки, — но я тебя прошу, больше никогда не говори, что этот ребенок никому не нужен. И не предлагай мне такое. Я все равно на это не соглашусь. Никогда. По своей воле.

— Хорошо, — ответил Сезар. Замер, будто хотел что-то еще добавить, но ему не хватило слов, или же просто передумал. Соня решила на этом не заикливаться, потому что у нее было еще столько всего, что нужно сделать. Желательно, в самое ближайшее время. Например, извиниться перед Леной.

Потому что в том, что произошло, что бы ни произошло, виноват не был никто. Так случилось просто потому, что так случилось. Винить в этом Лену было глупо. Так вести себя было глупо.

— Можешь, пожалуйста, пригласить Лену? — попросила она. — Ленор Ларо... то есть...

Сезар изменился в лице, и Соня осеклась. Муж мгновенно взял себя в руки, но Соня почувствовала бегущий по сердцу холод так отчетливо, как никогда раньше.

— Что? — рвано спросила она, приподнимаясь. — Сезар, что произошло?

Он молчал так долго, что Соне захотелось схватить его за плечи и как следует потрясти. Так, чтобы он хоть что-то сказал! Но раньше, чем она успела это сделать, супруг произнес:

— Лена ушла в Мертвые земли. — Помолчал и добавил: — Сама. По своей воле. Вряд ли она вернется.

Глава 2

Люциан Драгон

— Люциан, тебе разрешили вставать? — Голос Женевьев прозвучал, пожалуй, слишком внезапно. Потому что, глядя на выжженный тьмой клочок земли, в мыслях он снова и снова возвращался в тот вечер. Прокручивая в голове все, что случилось, пытаюсь понять, как и что можно было сделать иначе. Как можно было ее защитить.

Никогда раньше он не чувствовал себя таким бессильным, и дело было не только в ощущениях. Магия в нем перекраивалась, перестраивалась каждый день, из-за этого временами не хватало сил даже оторвать голову от подушки, а временами он чувствовал себя как после десятка бутылок дорнар-оррхар. Дело было в том, что он не справился. Не смог остановить Альгора. Не смог уберечь ее, и эта мысль ржавым кинжалом проворачивалась внутри снова и снова.

— Люциан!

Он все-таки обернулся: Женевьев стояла, сложив руки на груди. Строгая и как никогда раздраженная, пожалуй, он впервые видел ее такой. Вся ее невозмутимость словно потерялась где-то по дороге к нему, но Люциан не видел в этом ничего странного. Та ночь знатно всех переломала.

Буквально и не очень.

— Нет. Не разрешили, — спокойно ответил он.

Проблема была в жизненных контурах. После его возвращения из мертвых, о чем знали только они двое, внутри него постоянно происходило что-то странное. Жизнь словно заново училась быть в нем, лекари разводили руками, а сам он чувствовал себя... так, как чувствовал.

Временами внутри было пусто, и тогда он просто лежал с открытыми глазами, не имея возможности даже пошевелиться, а целители прыгали над ним, пытаясь понять, что делать дальше. Временами казалось, что его сейчас разорвет от магии и силы, и это сводило с ума. Жизненные линии, энергетические контуры внутри вели себя как обезумевший дракон. Предполагали, что это связано с атакой Альгора и потерянным крылом, но только он и Женестье знали, с чем это на самом деле связано.

— Тогда зачем...

— Я не могу все время валяться здесь, как бесполезная кукла! — из горла вырвалось рычание.

Это Женестье восприняла спокойно.

— Тогда, возможно, пришло время рассказать...

— Нет. Ты сама сказала, что это меня уничтожит, и это в самом деле так. В лучшем случае отец запрет меня здесь навечно, в худшем... честно, я не представляю, чего еще от него ожидать после случившегося.

Женестье набросила Cubrire Silencial и подошла ближе.

— Ты можешь рассказать Сезару. Уверена, ему можно доверять.

— Уверена? — Люциан усмехнулся. — Мне бы твою уверенность.

Он снова ощутил эту бессильную ярость, и уже не мог ничего с этим поделать. Да и не хотел.

— Ты знаешь, что Сезар не появился на балу, потому что София чуть не умерла. Не потому, что твой отец ему что-то рассказал о том, что...

— Я не хочу об этом говорить.

— Но тебе придется. Придется, если ты хочешь продолжать жить и изменить то, что сейчас происходит.

— Я! Не! Хочу!

Последнее он почти выкрикнул ей в лицо, и Женевьев вздрогнула. В этот момент Люциан ощутил себя неблагодарной тварью, потому что ей как раз досталось больше всего. На своем авторитете и хрупких плечах она вытащила остатки той ночи, когда он отключился. Успокоила и людей, и драконов. Первой выдержала допросы, когда пал купол Альгора.

Балансирующая на грани переворота Даррания сейчас и вовсе шаталась, как последний лист на ветру. Поступок отца, бросившего всех с Альгором, знавшего о том, что задумала Аникатия, не укладывался у него в голове. Дурная девица, лишившаяся жизни из-за того, что отец решил использовать ее как марионетку, для провокации Альгора через Лену, ничего не знала. Ни о том, что ее любовник из разведывательной службы пойдет прямоком к ее отцу, а тот к Фергану. Прослушивающий артефакт в его комнату протащи-

ла Амира, прослушивающий артефакт того уровня, который используется только для государственных целей. Именно поэтому он ничего не почувствовал, ничего не узнал до того мгновения, когда было уже слишком поздно. Отец же просто использовал всех: Лену, его, Аникатию, бросив всех под ярость Альгора, чтобы избавиться от него.

Анадоррского отец не боялся, он боялся именно Валентайна.

Ну что можно сказать... избавился. И даже нашел для себя оправдания: якобы в тот вечер его задержали государственные дела, но он отправил проекцию, чтобы быть со всеми и присоединиться чуть позже. Фальшивые сожаления, фальшивая неделя траура (с его стороны). Искренним, пожалуй, были только сожаления Фергана о том, что не удалось избавиться от Альгора. Точнее, удалось, но не окончательно. С другой стороны, его и такой вариант устроил.

А самое паршивое, что были те, кто ему до сих пор верил. Потому что у него был тот, кому он «доверял как себе», пока сам был на «делах государственных на границе». Керуан. Сейчас Люциан не сомневался в том, что архимаг архимагов, чтоб его драхи драли, тоже все знал. Вот только доказательств этому у него не было, как не было доказательств тому, что Лена никогда не была врагом Даррании. Что она была самой лучшей и самой светлой из всех, кого ему доводилось знать, и что объявить ее темной тварью, поставить на один уровень с Альгором, как заклятых врагов страны —

это последняя подлость и низость.

Что же касается Сезара, им так и не удалось поговорить толком. Те короткие два визита, которые брат ему нанес, проходили в присутствии отца. Словно Ферган боялся заговора сыновей.

Что ж, ему стоило бояться. Определенно стоило.

— Прости, — Люциан шагнул к Женевьев. — Я не должен был срываться на тебе.

Она вздохнула.

— Люциан, сейчас все на взводе, но нам стоит держаться вместе. Только так мы сможем уберечь Дарранию от еще большей бойни.

— Я знаю, — произнес он. — Знаю.

— Сезар действительно может помочь. У него нет опыта с целительством, но есть опыт с темной магией. Возможно, она что-то изменила в тебе...

— Я об этом подумую.

— Подумай. Но не слишком долго. Потому что если тебя меняет что-то из тьмы, лучше узнать об этом как можно раньше.

Люциан усмехнулся. Но не потому, о чем подумала Женевьев, а она явно снова подумала о его недоверии к брату. Легко коснувшись губами его щеки, Анадоррская вышла, а он, бросив еще один короткий взгляд на так и не восстановленную после сражения с Альгором землю, направился в ванную. Где, опираясь о стену долго смотрел на свое отра-

жение. До тех пор, пока в золоте глаз не заклубилась тьма.

Женевьев Анадоррская

Вечера Женевьев обычно проводила с детьми. После той ночи она загружала себя работой так, чтобы времени на чувства и мысли не оставалось. Попытки оправдаться тем, что это из-за случившегося, из-за отца, который отказался с ней разговаривать, узнав о помолвке с Люцианом, из-за того, что рассыпающаяся пылью девушка и военные до сих пор стоят перед глазами, были, но они ни к чему не привели. Впору было ругать себя последними словами и называть бесчувственной, если бы не одно но. Ни один самый страшный кошмар, спровоцированный на балу, не бил в сердце так же остро, как один-единственный взгляд.

Взгляд Ярда Лорхорна.

Она не сказала ему о помолвке заранее (а должна была?), избегала всю неделю перед балом, а после... о том, что произошло на балу, стало известно быстрее, чем того хотелось бы. Если бы Ярд, узнав о случившемся, перестал с ней разговаривать, упрекал, наказывал холодностью или что там еще делают уязвленные в гордости мужчины, ей было бы в разы легче. Наверное.

Но единственным, что он сказал, когда они увиделись в Академии, было:

— Я рад, что с тобой все в порядке.

Он бы, наверное, ее обнял, не будь они на виду у всех. Женеvьев это почувствовала, потому и остановила его жестом. Она чувствовала и всю бурю эмоций, бушевавшую в нем, от искренней радости от этой встречи, искреннего счастья за то, что с ней ничего не случилось, до горечи осознания их с Люцианом помолвки. И все же радости и счастья было больше, а для нее это оказалось невероятно странным, непонятным, пугающим.

Во-первых, потому что Женеvьев никогда раньше не чувствовала никого, как себя. Во-вторых... во-вторых, потому что это было неправильно. Он должен был злиться, упрекать, оскорблять — как это сделал отец.

— Вырастил на свою голову! — рычал Белавуард Анадоррский, пока мать обмахивалась веером и заливалась слезами. — Ты должна быть предана семье! Должна быть предана мне! А ты что устроила?! Помолвку с Драгоном!

Женеvьев понимала, что здесь уже никакие слова не помогут, но все же где-то, в глубине души ей хотелось верить, что отец примет ее решение. Просто потому, что он сам политик, он воспитывал ее так, он растил ее для того, чтобы она делала все для Даррании, в интересах Даррании. В данном случае интересы Даррании и ее отца не совпали, но она все же оставалась его дочерью.

— Я поступила так, как считала нужным. А теперь, из-за того, что случилось...

— Как считала нужным! — рявкнул отец.

Мать побелела и начала «падать в обморок», но он в ее сторону даже не посмотрел.

— Ты меня опозорила! Сначала эта работа в Академии. Потом помолвка с Драгоном, когда я — я, и ты прекрасно это знаешь, буду гораздо лучшим тэрн-архом Даррании, чем Ферган и любой из его никчемных отпрысков! Еще и с мальчишкой каким-то спуталась, таскала к себе домой! Надеюсь, об этом хотя бы никто не знает! Позорище!

— Никто не знает, а если бы и узнал, тогда что? — Женевьев вспыхнула раньше, чем успела себя остановить.

Отец раздул ноздри:

— Ты бы еще с уборщиком драконьего навоза связалась! Хотя разница невелика.

— Не смей так о нем говорить! — это прозвучало привычно, как приказ. Женевьев невольно понизила голос и получилось так, как ее учили: снисходительно, как у тэрн-архи.

Белавуард даже поперхнулся, а потом заорал не своим голосом:

— Не смей?! Это ты мне тут будешь указывать?! Предательница! Шлюха!

Из родительского дома Женевьев вылетела с еще большей тяжестью на сердце и в непролитых слезах, так и не поинтересовавшись, на самом ли деле мать в обмороке или просто хорошо притворяется. К себе она тоже не пошла, кое-как успокоившись, вернулась к детям, где занялась привычной для нее работой. Так дни и проходили, в Академии, в

допросах о случившемся (ее постоянно на них таскали), навещающая Люциана, в работе с детьми. Она даже ночевала там, только чтобы не возвращаться одной в пустую квартиру и не думать об одном-единственном по-настоящему счастливом завтраке, который прервал отец. Не вспоминать то, как Ярда на нее смотрел.

То, что он ни словом ни делом не заставил ее почувствовать себя виноватой.

Проблема была в том, что Женевьев чувствовала. Чувствовала себя виноватой перед ним каждое мгновение, возможно, поэтому сегодня она хотела, чтобы Люциан попросил ее остаться. Просто чтобы поговорить, ей надо было кому-то выговориться, но Люциан был далек от того, чтобы слушать. Он был настолько в себе, настолько в своей вине, что Женевьев сразу поняла: никакого разговора у них не получится. Еще она поняла, что сегодня вернется домой.

В свою пустую одинокую квартиру, которая станет ее тюрьмой до свадьбы. Тюрьмой, потому что вместе с ней там будут заперты воспоминания о счастье, которое невозможно. При мысли об этом отчаянно захотелось себя пожалеть, но жалость не приносит никакого облегчения, Женевьев знала точно. Поэтому лишь вскинула голову и зашагала по Хэвенсграду, подставляя лицо закатному осеннему солнцу, баловавшему город последними теплыми днями.

После случившегося на балу Эстре отменила запрет на порталы, больше того, теперь для всех желающих побыть до-

ма с семьей каждый вечер Академия создавала общие, какие раньше делали только на выходные, а обратные — после них. Ежедневными порталами пользовались многие, если не сказать, большинство. Все боялись. Боялись того, что может случиться дальше: если гарнизон был далеким, последним оплотом Даррании, то произошедшее в самом сердце страны потрясло всех, и в том числе поэтому ей нужно было держать лицо.

Нужно было улыбаться и показывать свою уверенность перепуганным адептам, людям, да даже драконам. Сейчас, когда не было уверенности ни в Фергане, ни в завтрашнем дне.

С этой мыслью она оказалась у себя во дворе, где не была уже давно. С этой же поднималась по лестнице с высокими ступенями. Пока никто не видит, можно было расслабиться, поэтому Женеьев смотрела себе под ноги, а не вперед, как привыкла. Подавив желание обхватить себя руками, она повторяла ладонью изгиб перил пролет за пролетом, поэтому, когда подняла голову, увиденное оказалось для нее полнейшей неожиданностью.

Прислонившись спиной к ее двери, на полу сидел не кто иной, как Ярл Лорхорн. Который, заметив ее, мгновенно вскочил на ноги.

— Что... как ты узнал, что я сегодня приду домой?

Спрашивать надо было совсем другое, но у Женеьев не оказалось другого вопроса.

— Я не знал, — он пожал плечами и посмотрел ей в глаза.
— Я здесь сижу каждый вечер.

От его голоса что-то внутри сжалось: таким сильным он был. От голоса, от слов или ото всех нахлынувших на нее чувств. Если бы можно было сейчас зажмуриться и спрятаться ото всего, как в детстве, под одеяло... Но одеяла не было, а сама она была далеко не ребенком.

Поэтому Женеvьев лишь отперла дверь, разомкнув контуры заклинания, а после молча шагнула в квартиру. Она не знала что сказать, в голове крутились тысячи слов, но все они казались ненужными, глупыми или бессмысленными, а порой и жестокими. Она даже забыла об элементарной вежливости, о том, что в квартиру принято приглашать. Особенно дорогих гостей. Особенно того, кто тебе настолько дорог.

От этой мысли все внутри сжалось, словно внутренности собрали в кулак и сдавили. Не следовало думать о нем так, не следовало думать о нем вообще, но, кажется, эту точку невозврата она прошла давно.

Лишь когда за спиной хлопнула дверь, Женеvьев обернулась. К счастью, Ярда не смущали такие мелочи, как ее прокол с приглашением. Судя по всему, его вообще ничего не смущало, потому что он просто подошел к ней и сделал то, что она не позволила ему в Академии. Просто-напросто обнял.

Раньше Женеvьев недооценивала силу объятий. Возможно, потому что в ее жизни их было не так уж и много (это

считалось недопустимым и противоречило этикету в ее мире). Или потому, что все объятия вне этикета — от матери, от подруг — которые все как одна забыли о ее существовании, когда она уехала из родительского дома, все эти объятия были осторожными и напряженными, с ними стремились быстрее покончить. Они напоминали приветственные улыбки и официальные слова на званых вечерах. Сейчас же...

Сейчас она просто провалилась в его объятия: крепкие, уверенные, сильные, как в давно забытую сказку из детства. Сказку, в которой добро всегда побеждало, в которой женщине можно было быть слабой, и за это никто не наказывал. Сказку, в которой рядом всегда находился тот, чья сила становилась твоей опорой, любовь к кому становилась тем самым магическим элементом, изменяющим мир.

Женевьев сама не заметила, как расслабилась в его руках. Случившееся во дворце Фергана, удаление крыла Люциана (она до сих пор с содроганием вспоминала об этом), все, что последовало после, отступило. Покрылось туманом, стираясь из напряженной памяти, из напряженного тела. Биение сердца Ярда было единственным, что она сейчас слышала, его сердца, а еще своего собственного.

Одна его ладонь лежала на ее талии, другая — на спине, он прижимал ее к себе уверенно, но в то же время так нежно, что это казалось самыми противоречивыми объятиями на свете.

— Я люблю тебя, — сказал он.

И это разрушило все.

Она очнулась, как от увесистой пощечины, даже в ушах зазвенело. Отпрянула от него резко, так резко, что Ярл, не ожидая, просто ее отпустил.

— Ты не можешь меня любить, — сдавленно произнесла Женевьев.

— Это написано в каком-то законе? — Лорхорн усмехнулся.

— Мы знакомы всего-ничего.

— И что?

— Потому что любовь требует времени! Любовь...

— Ничего не требует, — он шагнул к ней вплотную. — Неужели ты еще не поняла?

— Нет, — Женевьев покачала головой. — Нет. Это недопустимо.

— Недопустимо — что?

— Я помолвлена.

— Ты помолвлена, чтобы спасти Дарранию. Не по любви.

— Это ничего не меняет!

— Для меня это меняет все.

— Для меня нет! — Женевьев судорожно вздохнула и снова отступила на шаг. — Пойми уже, я так не могу. Я не смогу...

Она замолчала, чтобы подобрать слова, но продолжала смотреть ему в глаза, потому что просто не могла отвести взгляд. В темных глазах Лорхорна словно горело драконье

пламя, хотя его там не было и быть не могло. Ярд — обычный человек, навсегда им останется. То, что ее всю раздирает изнутри от боли при мысли, что им больше не придется вот так смотреть друг на друга, не имеет значения. Она — будущая тэрн-арха, он — просто эпизод из ее прошлого. Самый счастливый, который она пронесет с собой через всю жизнь, но ему об этом знать вовсе не обязательно.

— Я не смогу быть с тобой и быть замужем за другим, — холодно произнесла она.

Восстанавливая между ними привычную дистанцию, которой всегда придерживалась. Со всеми. По этикету.

— Ты всерьез собираешься за Драгона замуж? — резко спросил он.

— Серьезнее некуда.

— Ты же терпеть его не можешь! — прорычал Ярд. Откуда только взялось это драконье рычание, сейчас по нему сложно было сказать, что он человек.

— Откуда такая информация?

— А как может быть иначе с тем, кто отказался от тебя на глазах у всех?!

Получилось больно. Женевьев сама не подозревала, что это может быть так. Это могло бы даже показаться забавным, особенно учитывая то, что когда Люциан отказался становиться ее мужем перед всей аристократией, ей было... все равно. Да, может быть немного неприятно, всегда неприятно, когда задевают твою гордость перед кем бы то ни было.

Но по сравнению с тем, что она испытала сейчас, это был укус насекомого перед ожогом от драконьего пламени.

Может быть, оно и к лучшему.

— Уходи, — сказала она. Прозвучало спокойно, на удивление отстраненно и жестко. — Уходи, и больше никогда не смей здесь появляться.

Лорхорн плотно сжал губы, а после развернулся и вылетел за дверь. Женевьев же обхватила себя руками, глядя ему вслед. Постояла немного и пошла на кухню. Рано или поздно ей придется туда зайти, в том числе утром. Ей придется жить со всеми ее воспоминаниями, со всеми чувствами, особенно с тем, которому уже не дано набрать силу. К счастью, такую роскошь как слезы она не могла себе позволить раньше, а сейчас и подавно.

Дождавшись, пока закипит вода, Женевьев заварила ранх, но за стол так и не села. Стоя у окна, она смотрела на зажигающиеся на темнеющем небе звезды. Их было не очень хорошо видно из-за света в соседних домах и квартирах, и здесь они были холодными. Совсем не такими, как россыпь сверкающих искр на темном полотне неба. Над знойным побережьем одного из Эллейских островов.

Глава 3

Соня

— Я не верю, что ничего нельзя сделать, — произнесла Соня, глядя Сезару в глаза. — Не верю, что все это... Лена не предательница, Сезар. Она никогда не желала никому ничего плохого, и она ничего не делала...

— Кроме ритуалов с темной магией. Запретных.

— Но они никому не навредили.

Последнее прозвучало не очень уверенно, потому что Соня сама не до конца в это верила. Да, злость прошла, отчаяние тоже, но она до сих пор помнила оседающую на пол маму и свои чувства. Но теперь, после случившегося, она вообще не представляла, что чувствовать. Лена не просто ушла в Темные земли, здесь, в Даррании, ее объявили предательницей. Допрашивали всех, кто так или иначе имел с ней дело, даже ее. Задавали вопросы о том, как она себя вела, что говорила. Больше всех, конечно же, доставалось ее брату.

Макс вообще не вылезал из секретных допросов. Не так давно восстановив имя родителей, теперь он стал братом Ленор Ларо, которая считалась погибшей, в теле которой поселилась странная темная тварь, якобы собиравшаяся уничтожить Дарранию. Ото всего этого просто голова шла кругом.

— Ты же понимаешь, что после случившегося это больше

не имеет значения? — Сезар выглядел уставшим.

В последнее время он так выглядел всегда, очень много времени проводил с отцом, во Дворце Правления людей, и занимался всем тем кошмаром, который обрушился на Дарранию в ночь бала.

— Даже если бы я хотел, я бы все равно не смог ничего не изменить.

— Нет, Сезар, — Соня сложила руки на груди, — если бы ты хотел, ты бы как раз мог. Но ты не хочешь.

Он приподнял бровь:

— Я и не говорил, что хочу.

— Несмотря на все, что я тебе рассказала?

— Да пойми же ты! Они с Валентайном чуть не уничтожили всех, кто был на том балу. Мой брат чуть не умер! Он лишился крыла...

— А ты всегда был идеален, правда?

Сезар резко изменился в лице.

— Я никогда. Никого. Не убивал.

Соня закусил губу, чтобы не сказать лишнего. Она обещала себе, что оставит прошлое в прошлом, и слово надо держать. Потому что иначе это просто тупик. Тупик их с Сезаром отношений, тупик в жизни, тупик в ней самой.

— Лена тоже не убивала. — Соня шагнула к нему ближе, чтобы оказаться совсем рядом. Давно уже она так близко не подходила к нему по своей воле. — Она оказалась здесь не по своему желанию, она бы предпочла остаться в нашем мире,

так же, как и я. Я знаю ее с детства. Она никогда не гналась за властью или особыми способностями, она просто жила... Сезар, я не представляю никого, в ком было бы столько жизни, сколько в ней! Она же как солнце, в ней столько света...

На глаза навернулись слезы, но Соня все-таки продолжила:

— Я в последнее время была не лучшей подругой, но даже это ей не мешало. Лена пыталась со мной поговорить, все исправить, снова вернуть нашу близость. Для нее все близкие были гораздо важнее, чем она сама. Всегда! Я не верю в то, что она вот так, по щелчку пальцев превратилась в монстра...

— Ты не представляешь, на что способна темная магия.

Ладони Сезара легли ей на плечи, и впервые за долгое время Соня не вздрогнула.

— Ты никогда ее не чувствовала. Не испытывала. В тебе нет понимания, чем это может обернуться, если она тебя захватит.

Нет понимания, нет понимания... А ты не хочешь меня слышать! Упреки — не лучший способ договориться о чем бы то ни было, поэтому Соня плотно сжала губы и покачала головой.

— Может быть. Может быть, я и не представляю. Но я тоже попала сюда с помощью темной магии, и кто знает, чем это может обернуться впоследствии. Тогда меня тоже надо сдать властям, посадить в оковы и объявить предательницей.

Брови Сезара сошлись на переносице:

— Ты кое-что путаешь...

— Нет. Не путаю. И вообще подожди. Дай мне договорить, пожалуйста, — Соня положила руки ему на грудь.

Это сработало как-то странно: Сезар сначала изумленно взглянул на нее, а после словно закаменел.

— Ты просил у меня прощения после случившегося между нами, но я не могла тебя простить. Это было на уровне инстинктов, я боялась самих прикосновений к тебе. Я боялась даже находиться с тобой в одной комнате и просто ничего не могла с этим поделать. Но помимо этого я предпочитала еще цепляться за зло, которое ты мне причинил, совершенно забывая о том, сколько было хорошего. — Она снова почувствовала подступающие к глазам слезы, но на этот раз не стала их сдерживать. — Возможно, ты прав, и темная магия в Лене взяла верх над тем, что в ней было. Все это сейчас стерто. А может быть и нет, мы не можем знать точно. Но сейчас, пройдя через все это, я точно знаю, что каждый заслуживает второго шанса. Потому что все то светлое, что она делала — мне, тебе, остальным, оно никуда не делось. Даже тот темный ритуал, о котором ты говоришь, она делала, чтобы помочь мне.

Соня глубоко вздохнула.

— Поэтому сейчас мне очень важна твоя поддержка. Важна твоя помощь. Мы должны найти способ вытащить ее отсюда, и мы должны сделать все, чтобы восстановить ее имя.

Потому что если не мы, то кто?

Сезар продолжал стоять неподвижно, но она все-таки закончила:

— Если ты откажешься, я пойму. Я тоже не святая и лгла тебе о том, кто я, достаточно долго. Но я должна ей помочь, и я сделаю все от меня зависящее, чтобы Лена смогла вернуться и жить нормальной жизнью безо всей этой дряни, которую на нее навешали просто потому, что на кого-то надо было! — Соня убрала ладони от его груди потеряла их друг о друга. Сейчас они казались ледяными. — Просто если ты не хочешь, скажи мне сразу. Мы потеряли друг друга, Сезар, но Лену я терять не хочу. Не хочу, чтобы она сейчас осталась одна. Где бы она ни была.

Его руки на ее плечах дрогнули, а после сжались сильнее.

— Считаешь, что мы потеряли друг друга? — почему-то зло спросил он.

— Наш последний разговор...

— Да не было у нас последнего разговора! Нормального, — на этот раз глубоко вздохнул он. — Мы не хотели слышать друг друга, София... Соня. Но если я в чем и уверен, как в том, что мы сейчас стоим рядом, так это в том, что не хочу тебя потерять. Не могу тебя потерять. Я люблю тебя, и мне совершенно неважно, кто ты. Я люблю тебя, я хочу растить нашего с тобой ребенка не меньше, чем ты.

Если она что и ожидала услышать, то совершенно точно не это. Вот только сейчас, в отличие от всех предыдущих их

разговоров, внутри шевельнулась тихая радость и неуверенное, пока еще слабое чувство надежды.

— Я пока не могу ответить тебе тем же, — произнесла Соня и поспешно добавила, — но я очень хочу попробовать. Хочу попробовать вернуть то, что я чувствовала к тебе... очень хочу, Сезар. Помнишь, как начинались наши с тобой отношения? С дружбы...

— Мое отношение к тебе никогда не было дружбой, — он усмехнулся. — Но я согласен. Давай попробуем.

Вместо ответа Соня приподнялась на носочках и коснулась губами его щеки.

— Спасибо, — произнесла тихо.

— Что касается Лены, — он кивнул в сторону двери, — для начала нам надо поговорить с Люцианом. Он последний из тех, кто ее видел.

Люциан Драгон

— Я не стану свидетельствовать против Лены, — повторил он, должно быть, в сотый раз. Может быть, даже в тысячный. Эти слова стали его второй сутью, хотя, по-хорошему, его должны были оставить в покое еще после первого отказа. Не оставляли, поскольку приказ отдал отец, которому сегодня наконец-то надоело выслушивать отчеты от своих служб. Поэтому Люциан не поленился сказать ему это в морду. Буквально.

— Ты хоть понимаешь, к чему может привести твое упорство? — взрычал роаран. Люциан посмотрел на камешек, а после — на готового изойти дымом и яростью дракона.

— Понимаю. К тому, что ты нахрен взорвешься от сознания собственной важности и невозможности что-либо со мной сделать. — Иногда словечки из мира Лены просто грели сердце. В его лексиконе их стало бесчисленное множество, иногда Люциан вставлял их намеренно. Просто для того, чтобы хоть так ощущать ее присутствие и не сходить с ума.

Если бы драконы могли зеленеть от злобы, Ферган, вероятно, уже бы стал как раздувшийся до невероятных размеров болотный квак. Раньше умение довести отца до белого каления Люциана веселило, сейчас ему стало все равно. Единственное, что ему сейчас было не безразлично — это как вернуть Лену. Как вытащить ее оттуда, куда ее загнали Ферган с Валентайном на пару.

А он не смог ее защитить.

Эта мысль выжигала изнутри снова. Снова. И снова.

— Ты запросил из архива дело Хитара Равена. Зачем? — неожиданно сменил тему отец.

— Интересуюсь темным прошлым одного архимага.

В том, что Фергану доложат сразу, Люциан не сомневался, но все, что ему было нужно, он уже увидел. Слишком много было пробелов в том, как работал злодейский план бывшего опекуна Ленор и Макса. Здесь явно было третья фигура,

какое-то связующее звено Равена, темной магии, Мертвых земель, потерянное в этой цепочке. Сейчас ему важно было знать все, чтобы понять, как подобраться к Ниихтарну и всей их проклятой семейке.

Не просто подобраться, но и выжить. Потому что героическая смерть вряд ли чем-то поможет Лене.

— Я запрещаю тебе приближаться к этим делам и к их семье. Все уже оповещены, больше доступа ни к каким материалам ты не получишь.

Как хорошо, когда умеешь просчитывать наперед. И делать слепки с некоторых даже очень засекреченных документов. Спасибо Ярду Лорхорну, который не стал задавать вопросов. Невероятно талантливый парень.

— Да, разумеется. Я могу идти?

С отцом ему было не о чем разговаривать, это Люциан понял после той ночи. Еще он понял, что в случае Фергана не то что не придется рассчитывать на поддержку, скорее наоборот. Любой его шаг будет пресекаться, поэтому думать придется очень быстро. Настолько, насколько это вообще возможно.

Тот, кто стоял за спиной Хитара Равена делал это не год и не два, а еще он сделал все, чтобы о нем даже не задумались. Но при внимательном рассмотрении задумываться было над чем: как такая магическая посредственность как Равен вообще стала архимагом? Особенно после того, как его сестру обвинили в измене. Как с его силами его не размазало от

первого же темномагического заклинания и не превратило в одержимого? И таких вопросов было бесчисленное множество. Таких белых пятен.

Оставалось понять, во что их закрасить, чтобы прийти к тому, к чему он хотел прийти.

— Можешь, — снисходительно отозвался Ферган, подозрительно утративший свою первоначальную ярость. — Пока. Но если не хочешь оказаться под арестом и проверкой, связанной с влиянием темной магии на тебя, советую подумать над своими показаниями. Пока еще есть время.

По спине пробежал холодок, легкий, едва уловимый. Который Люциан мгновенно стряхнул с себя, как мерзкую липкую паутину. Не может отец знать о том, что с ним происходит. Следовательно, просто пытается продавить.

— Угрожаешь мне? — уточнил он. — Мило. Я даже не стану сопротивляться при аресте, с удовольствием расскажу всем о том, как на меня повлияла темная магия, и о том, как династия Драгонов вырождается. Анадоррский будет выпрыгивать из белья, я уверен. Как и его сторонники.

Оставив отца закипать дальше, Люциан вышел из тронного зала. Ему предстояло идти мимо дверей, которые сейчас были запечатаны магией — именно там все и случилось, и, несмотря на то, что прошло уже прилично времени, он до сих пор помнил каждое мгновение, мог воскресить его в памяти, как сейчас.

— Как прошло? — поинтересовался Амир.

Второй парень, который стоял рядом с ним, просто молчаливо вытянулся по струнке. С той самой ночи у него появилась личная охрана: везде, куда бы он ни пошел. Это было очень трогательно для всех, безумно заботящийся о сыне Ферган. Люциана же невероятно раздражало. Единственным плюсом было то, что он сумел договориться с главой отцовской стражи о том, кого именно к нему поставят.

Не всех парней из личной гвардии он знал лично — но, так или иначе, по всем получил рекомендации. Либо от однокурсников, либо от знакомых того же самого Амира. На удивление, Сайтанхорд оказался среди всех них наименее бесючим и наиболее общительным. Он не смотрел на него, как на выжившего случайно инвалида, не вел себя так, будто Люциан посрать без него не сможет. Сайтанхорд просто был собой, и это, на удивление, радовало.

— Как обычно, — коротко отозвался Люциан.

— То есть ужасно.

Еще Сайтанхорд не впадал в благоговейную прострацию при имени Ферган и, несмотря на отменную субординацию, был всегда на его, Люциана, стороне. Или же ему просто очень хотелось в это верить.

Случившееся еще больше отдалило его от бывших друзей: просто потому, что он не мог поделиться с ними ничем. Единственная, с кем можно было толком поговорить, Женевьев. Амир был тем, в чьем сердце сидела остаточная вязь темного заклинания, и, хотя он не знал и половины произо-

шедшего той ночью, сам этот факт в какой-то мере роднил их с Люцианом.

Лорхорн, хоть и был классным парнем, тоже ничего не знал. Макс вообще отказался с ним разговаривать, больше того, он знать не хотел ничего о Лене. Вообще ничего, потому что тот единственный разговор, что у них состоялся, чуть было не закончился дракой. Макс заявил, что не хочет ничего слышать «об этой темной шлюхе», за что оказался на полу от прямого удара в лицо. Их растащили Лорхорн и верещащая Драконова-младшая, но больше встречаться с ним было ни малейшего желания. При одной только мысли об этом парне внутри поднималась такая ярость, что Люциан с трудом с ней справлялся.

Впрочем, ярости сейчас в принципе было много, и он знал, почему.

Темная магия поселилась в нем, как заклинание отложенного действия. Она проявлялась, когда Люциан меньше всего ожидал, и, хотя пока что ему удавалось ее контролировать, каждое такое подавление провоцировало новую вспышку агрессии. По поводу и без. Поэтому, когда ему доложили, что в личной гостиной его дожидается тэрн-ар Драгон с супругой, Люциан впервые за долгое время почувствовал, как с плеч словно полновесный панцирь дракона свалился. В это мгновение ему показалось, что он больше не один.

Глава 4

Настоящее

Люциан Драгон

Лена была не похожа сама на себя. Они сотни раз обсуждали это с Сезаром и Соней, но все равно поверить в увиденное было сложно. Нет, внешне она осталась собой, если не считать убийственного холода в глазах. Холода, в котором не было никаких эмоций, никаких чувств, одна лишь только бесконечная скучающая пустота.

Когда Сезар говорил, что темная магия выворачивает наизнанку и превращает в совершенно другую личность, он не верил. Не хотел верить. Потому что так проще было простить себя за то, что не сумел помешать Альгору ее забрать. За то, что это она всех прикрыла на том празднике, хотя должен был он. Должен был, а на деле оказался ни на что не способен, поставив под удар женщину, которую любил.

Люциан зажмурился, стараясь отогнать мысли, мешающие сосредоточиться на том, зачем он здесь.

Лена.

Он здесь для того, чтобы напомнить ей о том, кто она и о том, кто ее ждет. И в нужный момент...

Звякнули цепи, когда он пошевелился, пытаясь размять затекшие ноющие мышцы. В браслетах было столько подавляющей магию мощи, что Люциан при всем желании не мог

почувствовать в себе хотя бы искру. Такое уже было однажды: когда они с Леной оказались в тех странных землях. Сейчас же это усугублялось холодом камня и давящей силой темной магии и Мертвых земель. Только оказавшись здесь можно по-настоящему ощутить, насколько они мертвые. Понять, что предложенное «Темные» не имеет к ним ни малейшего отношения.

Подземелье, в которое его бросили, было сырым, от камня веяло холодом, но не сыростью и не плесенью. Сухим безжизненным холодом, вползавшим в него через каждую пору, и, лишь потому что этот холод постепенно, раз за разом становился его частью, Люциан не замерзал сейчас так отчаянно, как мог бы.

Без магии сложно согреться, не говоря уже о том, что это дикое чувство — чувство беспомощности, затягивало в свои премерзкие объятия ничуть не приятнее, чем сама Тьма. Лишь усилием воли Люциан вытолкнул себя из этих мыслей и поднялся. Насколько у него получилось: магические цепи были короткими и на его рост не годились. У него даже не получилось выпрямиться толком.

В подземелье не было окон, единственный источник света, зарешеченное окошечко в тяжелой двери давало возможность не чувствовать себя слепым. Слабый свет серебристого пламени проникал сквозь него и рассеивался тленом на мельчайшие частицы, не способные совладать с царящей повсюду тьмой.

«Мне здесь невероятно скучно. А из него получится отличная игрушка».

Все должно было быть по-другому. Пока Ниихтарн беседовал с Драконовым, он должен был поговорить с Леной. В другом месте и при других обстоятельствах, но драхова магия так не вовремя дала осечку! Так глупо. Казалось бы, Люциан сделал все, чтобы этого не произошло. Темная магия — родственная магия Мертвых земель должна была стать его пропуском к ней, но она просто растворилась. Стоило ему оказаться вблизи от замка Ниихтарна, вся тьма, что была в нем, словно схлынула в землю. Естественно, светлая магия здесь была как маяк. И все рухнуло.

Скрежет двери заставил его вскинуть голову, из-за чего ошейник больно впился в кожу. Двое велифертов шагнули к нему, еще двое остались в коридоре.

— Приятно знать, что тебя боятся.

Мужчины наградили его тяжелыми взглядами, но, не проронив ни слова, выдернули цепи из тяжелых колец, разомкнув контуры заклинаний.

— Вы хоть скажите, мы на казнь или в гости? Я терпеть не могу сюрпризы.

— Молчать, — приказал один из конвоиров, раздув ноздри, и по цепям пробежал разряд магии. Ужалил в запястья, впиваясь через них в кости, словно через все тело и сквозь позвоночник пропустили молнию.

— Ну молчать так молчать, — процедил он, когда смог

вдохнуть. — Я же не знаю, какие у вас здесь извращения приняты.

Адергайн приказал увести его на словах Лены о том, что она хочет себе игрушку. Его. Все это время, пока он был за закрытой дверью, Люциан думал лишь о том, что он снова ее подвел. А еще о том, что права на ошибку у него нет.

Длинная каменная кишка коридора была пуста, подсвеченная тем самым серебристым пламенем, она казалась бесконечной. Но она же была его последним шансом на то, чтобы до нее добраться. Поговорить с ней один на один. Не может быть та женщина с холодным пустым взглядом сильнее девушки, которую он знал. Просто не может.

Он уже почти просчитал, как можно накинуть цепи на шею одному, а другого оттолкнуть в стену. Прикрыться от разряда магии идущих сзади тем, кого душит, перехватить второго, швырнуть в них и рикошетом от цепей отправить атакующее заклинание в нападавших. Люциан уже готовился поудобнее перехватить цепи, когда услышал:

— Как думаешь, она его сразу убьет? — Идущий справа велиферт повернулся к напарнику.

Тот хохотнул.

— Вряд ли он нужен ей только за этим.

— Хотите, чтобы о ваших разговорах донесли Верховному эрду?

Это сказал один из идущих сзади, и в коридоре снова воцарилась тишина. Нарушаемая лишь стуком чеканного ша-

га и звяканья цепей, Люциан же забыл о побеге. Потому что понял, что его ведут к Лене. Прямоком к ней.

Значит, Адергайн решил удовлетворить ее просьбу.

Значит, он победил.

За очередной дверью начиналась узкая лестница, поэтому двое велифертов пошли вперед, натянув цепь, двое остались сзади. Чуть выше обнаружилась развилка, разделившая небольшую площадку на три части: один путь снова уходил под землю, другой шел вровень с площадкой, вправо, последний уводил наверх. Люциан считал мгновения до того момента, как они поднялись — судя по всему, оказавшись сначала в крыле прислуги.

Здесь было невероятно тихо. Попадавшие им навстречу служанки и слуги либо отводили глаза, либо ходили с такими стеклянными взглядами, что создавалось ощущение, будто их кто-то дергает за ниточки, чтобы они могли ходить. Длинный балкон-переход привел их в другое крыло, и, несмотря на бесконечно пасмурный мрачный пейзаж справа и слева, он чувствовал, как внутри разрастается нечто светлое. Это чувство не имело ничего общего с магией, но было столь же сильным.

Скоро он увидит Лену. Скоро они смогут поговорить.

Этот холод в ее глазах — влияние Адергайна, не более. Что бы там Сезар ни говорил, он сможет до нее достучаться. А может быть, и не придется. Может быть, она просто играла? Чтобы усыпить бдительность Ниихтарна.

На этой мысли его резко перехватили за плечи, натягивая цепь, а один из велифертов постучал в дверь.

— Войдите, — раздался ее голос.

Ее и в то же время не ее. Холодный, чуть раздраженный.

— Почему так долго? — это было первое, что она спросила, когда его втолкнули в гостиную. Столь же темную, как и все остальное здесь. Серебро обивки совершенно не спасало темную давящую атмосферу, скорее, делало ее невыносимо холодной.

— Простите, — один из велифертов склонил голову. — Мы...

— Ой да заткнитесь. Заткнитесь и проваливайтесь.

Лена приблизилась к нему, хотя на него даже не взглянула, и протянула руку.

— Снять цепи и ошейник, миледи? Браслетов вполне достаточно, чтобы перекрыть его магию.

— Вы меня плохо слушали? Я сказала: проваливайтесь.

Цепи переключались к ней в руки, а все четверо стражников, поклонившись, тут же вышли за дверь.

— Лена...

— Не помню, чтобы я разрешала тебе говорить, — перебила она его. Взглянула на него сверху вниз и приказала: — На колени.

— Лена, послушай...

Она сдавила цепь, с силой дергая на себя и запуская магию. Его снова прошило болью, выламывая кости, колени по-

догнулись сами собой, и он рухнул на четвереньки. К ее ногам. Она не пошевелилась, не отодвинулась, не наклонилась, просто продолжала смотреть на него сверху вниз. Все с тем же равнодушием, в холод в глазах разве что сейчас добавились капелька любопытства и азарта.

Нет, Лена определенно не играла. Она смотрела на него по-разному, когда злилась или когда ненавидела, когда... что-то чувствовала к нему, но никогда в ее взгляде не было такой пустоты. Сейчас, когда они остались наедине, ей не было смысла притворяться. Не было смысла издеваться над ним для вида. Она делала это, потому что могла, или потому что ей это нравилось.

— Будешь называть меня миледи, — холодно произнесла она. — Слово из моего мира, ну ты знаешь. В Мертвых землях женщин принято считать приставками к чему-то или к кому-то: дочь Верховного эрда, сестра Верховного эрда, еще какая-то хрень. Но я здесь на особом положении, поэтому, надеюсь, что ты запомнишь. С первого раза. Далее. Говорить будешь, когда я разрешу. Делать будешь только то, что скажу я. Если мне что-то не понравится, последует наказание. Если будешь дерзить — последует наказание. Если это будет происходить слишком часто, ты мне надоешь. Если ты мне надоешь, я скажу об этом Адергайну, и, думаю, не стоит объяснять, чем это закончится. Мне стоило немалых усилий убедить его в том, что игрушка меня порадует, поэтому будь хорошим дракончиком и не раздражай меня. Договорились?

В ее улыбке не было жизни, в знакомой улыбке красивых губ, которые сейчас были ярко-красными. На контрасте со светлой, такой нежной кожей смотрелось агрессивно, равно как и весь ее макияж. Лена никогда таким не пользовалась. Его Лена. Поэтому когда ее ладонь легла ему на голову, а пальцы скользнули по волосам, Люциан непроизвольно сжал кулаки.

От нее это не укрылось:

— Что-то не так, мой принц?

Сезар оказался прав.

Он спорил с ним до хрипоты, они несколько раз чуть не подрались из-за этого, но брат оказался прав.

«Твоей Лены больше нет. И ты должен быть к этому готов».

Люциан на мгновение зажмурился, стирая грань воспоминаний и того, что видел сейчас перед собой. Кого сейчас перед собой видел.

Сколько раз он от нее отказался? А сколько раз клялся защитить и не сделал этого?

Он пришел сюда за ней, и он не уйдет без нее.

Люциан глубоко вздохнул и открыл глаза. Медленно разжал кулаки и ответил:

— Вовсе нет, миледи. Все так.

— Замечательно, — она снова улыбнулась. — Хороший мальчик. Только грязный.

Лена оглядела его с ног до головы и чуть дернула цепь.

— Вставай. Надо тебя помыть.

Она едва держала цепь, хрупкие пальцы, казалось, еле-еле ее касались, но она натягивалась так, что ошейник врезался в шею. Люциану приходилось прикладывать все усилия, чтобы не склонять голову, потому что даже на высоченных (она таких никогда не носила!) каблуках Лена оставалась ниже него.

Ванная комната, в которую она его привела, больше напоминала купальню. Огромная, с просторным бассейном, водопадом у стены, горячей купелью.

— Адергайн сделал это для меня, — она рассмеялась, — представляешь? Знает, как я люблю воду и понежиться в теплой ванне. Кстати, ты еще не видел бассейн-инфинити на крыше. И рожи темных, когда все это создавалось.

Лена фыркнула.

— Нет, это определенно стоило того, чтобы это увидеть. Снимай одежду, Люциан. А я посмотрю.

— Может, выйдешь?

У него почему-то закружилась голова. Женщина перед ним была незнакомкой, но... она была Леной. В этот момент он поклялся себе в мыслях называть ее исключительно так, чтобы ни на мгновение не позволить отравить свою кровь сомнениями, что ничего не получится. Сама мысль о том, чтобы раздеться перед ней... да он бы все отдал, попроси она его о таком полгода назад. Само только осознание этого заставляло кровь кипеть и, несмотря на обстоятельства, он

почувствовал, как член наливается горячей тяжестью.

— Выйти? И пропустить это? — она усмехнулась. — Ни за что. Я сказала, раздевайся. Не заставляй меня повторять.

Глава 5

Люциан Драгон

Он все еще не мог поверить. Сезар говорил, что просто не будет, что нужно быть готовым ко всему, но есть вещи, к которым просто нельзя подготовиться. Например, к тому, что самая яркая, самая светлая девушка в мире смотрит на тебя взглядом пустоты. Что Тьма, то и дело вползающая в ее радужку, окончательно стирает цвет любимых глаз.

Люциан медленно расстегнул рубашку, стягивая ее. Лена смотрела, наклонив голову, а потом потянула его за собой на цепи. Опустилась на бортик ванной, рассматривая его с тем самым интересом, которого он когда-то так жаждал. Только сейчас этот интерес был равнодушным, она просто оценивала свою игрушку.

— Теперь брюки, — сказала она. — Давай.

Сарказм, застывший внутри, он так и не озвучил. Раньше было легко бросаться жалящими словами, острить, делать больно, но сейчас... Сейчас он просто не мог представить, что делать с ней. С этой женщиной, которая перед ним стояла. Что делать с ней, чтобы вернуть ту, что он любил.

— Лозантир тебя раздери, Драгон, за те месяцы, что мы не виделись, ты записался в монахи? — Словечки из ее мира резали слух, они были для нее чужеродными, для этой

незнакомки. Потому что принадлежали Лене. Его Лене.

Короткое замешательство закончилось тем, что она просто рывком подтянула его к себе, расстегивая брюки и дергая их вниз. Получилось больно. Отчасти из-за возбуждения, которое никуда не делось, отчасти потому что к унижениям он не привык. Рычание, рвущееся изнутри, Лена, разумеется, не упустила.

— О, дракончик недоволен? — усмехнулась она, продолжая откровенно его разглядывать. Взгляд ее прошелся сверху вниз, зацепившись за ярость в глазах, и закончился там, где его тело однозначно реагировало на ее присутствие. — Или вполне доволен?

Она издевалась. Продолжала издеваться.

Легко и просто, так, будто делала это всю жизнь.

— Полезай, — скомандовала Лена и кивнула на ванную, которая стремительно наполнилась водой. Подчиняясь движению ее руки, с полки взмыл ввысь какой-то шар и упал в ванну. Вода зашипела, и Люциан замер.

Лена снова рассмеялась.

— Господи, драконы такие странные... это еще одна прелесть из моего мира, называется бомбочка для ванн. С помощью магии, оказывается, делается за две секунды из нужных ингредиентов. Или ты подумал, что я решила тебя растворить в кислоте? Проще было бы уже тогда не спорить с Адергайном по поводу твоей жизни. — Она нахмурилась, будто вспомнив нечто неприятное, потом снова дернула цепь. —

Вперед.

Привыкать к тому, что с ним будут обращаться как с животным, казалось сложным. Невероятно сложным. Поэтому Люциан на мгновение закрыл глаза, представив ту девушку, ради которой сюда пришел, и только после этого стянул сапоги и брюки, чтобы оказаться в бурлящей от магии воде.

Это могло бы быть даже приятно. Если бы не обстановка. После сырого холодного подземелья горячая вода окутала ноющее тело, как покрывало. Правда, при этом ничуть не помогая справиться с тем, что мешало сосредоточиться и подумать. Возбуждение с каждым мгновением становилось все более тяжелым, почти болезненным. Но касаться себя при ней... да он бы скорее умер.

Она же словно мысли его читала, потому что усмехнулась, рассматривая напряженный, налившийся кровью и тяжестью ствол.

— Вот уж не думала, что ты у нас такая стесняшка, Люциан Драгон. Ладно, посмотрим, сколько ты продержишься.

Взмах руки — и в ее ладонях оказался флакончик. Еще одно отличие от Лены — в Даррании, в их мире, быт без магии был скорее необходимостью для тех, кто не имел достаточно ресурса. Лена же, даже зная все заклинания и обладая достаточно силой, всегда использовала ее только в крайних случаях, но не сейчас. Сейчас она управлялась с ней, как дышала.

— Что ты собираешься делать? — спросил он.

— Я же сказала: проверим твою выносливость.

Звякнула упавшая на пол цепь, в ее ладонях оказался мягкий гель, и уже в следующее мгновение тонкие руки легли ему на плечи. От одного ее прикосновения — совершенно иного, бесстыдного, так непохожего на те, что ему знакомы, можно было кончить. Он с трудом удержался, закусив губу, только почувствовал, как сердце ударилось о ребра. Гулко. Мощно. Безумно.

— Пока принимаешь ванну, — как ни в чем не бывало, произнесла Лена, продолжая намыливать его спину и плечи с той же откровенностью, с какой могла сейчас водить ладонью вдоль члена, — запомни основные правила пребывания здесь. Про обращение ко мне ты уже все понял. Я надеюсь. Так вот, основное правило выживания: не зли Адергайна. Он привык к тому, что все, что его раздражает, превращается в пыль. Точнее, в пепел и тлен. Исключение — это я, но я ему нужна. А ты нет. Это понятно?

— Понятно, — сквозь зубы процедил Люциан.

Раздражение, ярость, отчаяние, желание смешались в крови в какой-то дикий коктейль, до которого даже десяти бутылкам дорнар-оррхар было далеко. В ушах шумело, пах сводило от возбуждения, перед глазами все плыло. Желание вцепиться в эту женщину, опрокинуть ее на себя, вытряхнуть из нее всю Тьму было столь же непреодолимым, сколь и желание коснуться себя.

Провести ладонью по стволу, представляя, что это дела-

ет Лена. Его настоящая Лена. Как можно такое испытывать? Как можно всего этого желать в таких обстоятельствах?!

«Можно, — подсказал внутренний голос. — Можно, Люциан. То, что живет в тебе после воскрешения, отзывается на ее тьму. Ты отзываешься на ее тьму».

Нет.

Нет.

Нет!

Люциан сжал зубы с такой силой, что чудом не услышал их хруст.

— Второе правило, — произнесла Лена. Ее ладони спустились ниже и сейчас скользили под водой по бокам и напряженному животу. От этого крыло сильнее, чем он жара, который терзал его тело в первый дни после возвращения из Заграницы. Люциан хрипло выдохнул, когда хрупкая ладонь скользнула совсем рядом со ставшим уже каменным стволом. — Не пытаться сбежать. Даже зная о том, кто ты, никто разбираться не будет. А я не хочу тебя потерять раньше, чем наиграюсь, мой сладкий мальчик. Это тоже понятно?

Она наклонилась к самому его уху, дыхание обожгло кожу.

Как можно быть такой горячей и такой холодной одновременно?

— Х-хватит, — хрипло выдохнул он, когда изящная ладонь снова скользнула совсем рядом с напряженным членом. Миг — и ее пальцы сдавили основание члена с такой силой,

что пах пронзило острой яростной болью, перед глазами потемнело.

— Здесь я решаю, когда хватит, — прошипела она. — Мне показалось, ты меня услышал.

Справиться с ней Люциан сейчас мог бы. Мог бы, но... Но даже одна такая попытка означала, что он уничтожит единственный шанс на спасение Лены. Поэтому оставалось только рвано дышать, чувствуя, как по вискам бегут капельки пота. Там, где ее пальцы сжимали член, пульсировала боль. Уже не такая острая, но мешающая мыслить здраво. Поэтому Люциан выдохнул:

— Услышал. Я вас услышал. Простите... миледи.

Все это казалось каким-то фарсом. Каким-то жутким фарсом, но Лена лишь усмехнулась. Разжала пальцы и стряхнула руку. Брызги воды попали ему на лицо, далее последовал приказ:

— Доставь себе удовольствие, Люциан. Я разрешаю. Я разрешаю это только сейчас, и если ты этого не сделаешь, будешь ходить со стояком, пока твой член не посинеет и не отвалится. Поверь, я знаю, как это делать — магия открывает безграничные возможности. Но тебе эти возможности не понравятся.

Сложнее всего было его коснуться. Сложнее, а еще получилось очень больно. Он на мгновение зажмурился, чтобы в следующее мгновение почувствовать ее пальцы в своих волосах. Она рывком потянула его наверх, приказала:

— Открой глаза.

И он открыл. Чтобы увидеть свое отражение в ее черной радужке, почти слившейся со зрачком. Безумное возбуждение захлестнуло с такой силой, что хватило лишь нескольких движений рукой. Разрядка оказалась болезненной, но такой острой, что перед глазами потемнело до одури. До рваного крика, который потерялся за закушенной до крови губой.

Дыхание отказывалось приходить в норму, сердце колотилось как сумасшедшее. Но, к счастью, хотя бы ее пальцы на волосах разжались, и Люциан смог сползти в воду. Чувствуя, как она выпивает из его последние силы.

— Что... — хрипло произнес он, облизав пересохшие губы. — Лена, что с тобой случилось? Ты просто не можешь...

Она закатила глаза.

— Леной ты меня назвал без последствий в последний раз. Это первое. А второе... я покажу.

Шагнув к нему, она положила ладони ему на виски, и перед глазами Люциана взорвалась красками картина ее воспоминаний. Хотя, если быть точным, она взорвалась Тьмой.

За некоторое время до этого
Лена

В подземелье Адергайна я потеряла счет дням. Не помню точно, когда, первое время я еще пыталась как-то вести учет прожитому времени, но достаточно сложно это делать, когда

вокруг только темнота, сырость и... Мертвые земли. Здесь я очень хорошо почувствовала, насколько они мертвые, потому что внутри меня все тоже было мертво.

Я потеряла лучшую подругу. Лишилась ее доверия из-за темной магии.

Из-за темной магии чуть не погиб Люциан.

Из-за темной магии Валентайн превратился в монстра. Мне бы очень хотелось держаться за любовь к нему, но то, что он сделал на балу в Даррании, выжгло меня, как Тьма. Она же продолжала меня выжигать, день за днем. Здесь, из-за ее близости, контролировать ворвавшуюся в меня в ту ночь силу стало почти невозможно, поэтому временами я проваливалась в блаженное безразличие, временами — возвращалась в себя.

Признаюсь честно, возвращаться было ужасно.

А ужаснее всего в этом состоянии, в том, которое я называла живым, было то, что никто ничего не сообщал о моей участи. От меня ничего не просили. Ничего не требовали. Просто швырнули в подземелье после того, как я послала Адергайна вместе с его сыном по батеньке и посоветовала им идти... к Лозантиру, пусть будет так.

Кормили меня один раз в день, из-за чего я уже не была настолько уверена, это гремят цепи или мои кости. Куда делся Валентайн, я тоже не знала, куда делся Адергайн — тем более, но что-то мне подсказывало, что мой посыл не дошел, и они оба там живут и радуются жизни, пока я здесь изобраа-

жаю узницу подземелья.

Хотя почему же изображаю...

Когда становилось совсем скучно, я цитировала поэзию серебряного века. Спасибо урокам литературы, правда, а то мой мозг вполне мог бы превратиться в кисель. Первый кризис случился, когда закончилось действие заклинания, благодаря которому в этом мире не были нужны прокладки. Мой организм то ли обиделся на такое, то ли что еще, потому что столько крови из меня не вытекало никогда. А еще никогда не было столько боли.

Я кричала, просила, умоляла, звала на помощь, но никто не пришел. Точнее, они приходили, но дверь осталась закрыта. Просто мне доставляли ежедневный скудный паек. Тогда я еще не знала, что провести несколько дней неподалеку от лужи собственной крови, думая, что умираешь — это ничего так. Потому что спустя какое-то время после этого произошел кризис дубль два.

Когда скрипнула дверь, а не крохотное окошечко в полу, через которое мне просовывали еду, мне показалось, что у меня галлюцинации. Но это были не галлюцинации, а вполне себе Адергайн.

— Ты воняешь, Лена, — это было первое, что он сказал.

— Дерьмовое у тебя отношение к семье, — ответила я и поморщилась.

Даже от неяркой полоски серебристого света, просочившегося из-за приоткрытой двери, сейчас резало глаза.

— Это было наказание, — сообщили мне. — Никто, даже члены моей семьи не смеют дерзить мне.

— О, — сказала я. — Ну так я не знала. Мог бы предупредить, я бы сразу рухнула в тлен у твоих сапог и вылизала их.

Он оказался рядом со мной в одно мгновение, схватил до подбородок и вздернул голову наверх. От такого обращения мои позвонки только чудом не застучали друг о друга или по полу, как оторванные пуговицы. Голова взорвалась болью.

— И вылижешь, если продолжишь вести себя в том же духе, — равнодушно произнес он. — На глазах у всех. У всего моего двора.

— И много у вас там извращенцев?

Адергайн прищурился. Усмехнулся.

— Вижу, слов ты не понимаешь. Хорошо.

— Из хорошего здесь только то, что все в мире конечно. Даже ты.

Уголки его губ опустились. Он разжал пальцы, освобождая мой подбородок, произнес:

— Освободите ее. Отмойте и проследите, чтобы к вечеру она была готова.

Готова? К чему?

Цепи выдернули из колец раньше, чем я успела икнуть, а потом меня резко вздернули на ноги. Двое мрачных мужиков в черном потащили меня по коридору с такой скоростью, что я едва успевала переставлять ноги. Но если ноги отказывались сотрудничать, то мозги шли на контакт, и в них тво-

рилось такое...

— Готова? — хрипло прокричала я. — Готова к чему?! К чему я должна быть готова?

Сейчас бы стоило впустить в себя темную магию окончательно — и дело с концом. Стать той, кем меня хотят видеть, стать той, кому все равно, но я еще цеплялась за остатки жизни. За то, что билось в центре моей груди, я пыталась представить, что смогу выбраться. Возможно, смогу... зачем? Для чего? Я не знала. Просто так чувствовала и боролась из последних сил. На пределе. Я не хотела становиться, как он. Не хотела становиться, как Валентайн, даже несмотря на все могущество, которое мне после этого откроется. Даже несмотря на то, что уйдет боль.

Но в тот момент я была к этому близка как никогда, потому что идущий сзади Адергайн произнес:

— Сегодня вечером ты станешь моей, Лена, перед всем моим двором. На глазах у всех.

Глава 6

Лена

В моем разуме не осталось места для фантазий: убив Ленор, чтобы спасти Люциана, я перешагнула невидимую черту, навсегда меня изменившую. Фраза «лишиться части себя» перестала быть для меня чем-то возвышенно пафосным, на драме, и стала реальностью. Но даже в этой реальности, оказавшись в Мертвых землях, побывав в глубоких объятиях Тьмы, мне смутно представлялось, что я стану совокупляться со сбрендившим королем этих самых земель на глазах у сотен? Тысяч? Его подданных.

Поэтому пока вокруг меня прыгали и бегали люди с опущенными в пол глазами, я думала, как мне сбежать и откуда спрыгнуть, чтобы этого избежать. Получалось плохо. В панике вообще плохо думается, отвечаю. В голове творился полный бардак, на все это накладывался зов Тьмы и пустота, готовая поглотить меня в любой момент, как только я дам слабину. Но я не сдавалась. Через все это я пыталась думать, как мне сбежать, не используя магию. Потому что цепь и наручники с меня так и не сняли, даже когда усадили в ванную, больше похожую на готический таз-тренажер для попавших в Ад. Еще бы костер снизу развели, было бы полное попадание.

Права была баба Клава, чтоб ей икалось и пукалось, и су-

хари всегда вызывали запор.

В общем, пока меня отмывали для царственного соития, я просчитывала варианты. Окно — арочное, невероятно узенькое, в котором даже солнечный свет бы застрял как Винни Пух, не подходило по причине того, что даже если я в нем не застряну, до земли тут далековато. Вот надо было с Земсковым на скалодром ходить, когда звал! Может, сейчас бы использовала этот вариант влегкую.

План Б казался не менее идиотским: за дверью этой самой комнаты стояли велиферты, которые мне голову оторвут раньше, чем я добегу до конца коридора. Нет, бегать я конечно умела, не раз сдавала нормативы на отлично, но что-то мне подсказывало, что в велиферты без удвоенных нормативов не принимают. Да и зачем им вообще эти нормативы, когда у них есть магия? А у меня еще и тяжелая цепь на шее. Гирю не привинтили, и на том спасибо.

Помывка закончилась тем, что в мои волосы, отмытые до скрипа, запустили магические искры, чтобы их высушить. Слабенькие, конечно, но волосы мигом высохли, а мне вспомнились первые дни в Даррании. Тогда я считала, что у меня проблемы. Как же сильно я ошибалась!

— Ваш обед, — сообщила одна из служанок, не поднимая глаз.

Они здесь в принципе все были такие: в темно-серых платьях в пол, в темно-серых передниках и шапочках. Наверное, чтобы сливаться со стенами было проще, и я это прекрасно

понимала. Когда по местным четвергам король устраивает представления в стиле платного порно-канала, лучше не отсвечивать.

А вот обед был прекрасен. На низеньком черном столике, рядом с которым стояло кресло с серебристой обивкой, расположились самые разнообразные блюда. Подозреваю, что местная кухня отличалась от Дарранийской, но рот все равно наполнился слюной, а сознание мигом дорисовало вкус. Что-то среднее между моей некогда любимой крабовой пастой из гипермаркета за сто пятьдесят рублей и фуа-гра. Фуа-гра, кстати, я так и не попробовала, но как-то сейчас она мне живо представилась.

На плечи мне накинули халат: длинный, черный, с серебристыми узорами — цвета местного загородного отеля, в пол. После чего проводили к столу со словами, что сначала я могу откусать, а после меня соберут для того-самого. Этого-которого.

— Я хочу поесть одна, — капризно сообщила я. Вообще не надеялась, что сработает, но служанок как ветром сдуло. Видимо, девушка в цепях и в халате, охраняемая велифертами, в принципе не представлялась им угрозой. Жаль. Я помнила, какая в моих венах текла сила, когда я позволила Тьме войти в самую свою суть.

А вот про Ленор предпочитала не вспоминать. Это было слишком больно. Гораздо большее, чем я ожидала, но все же сейчас, на миг погрузившись в воспоминания, я позволила

этому снова себя зацепить. Позволила себе вспомнить девочку, которую узнала совсем недавно. Свою сестру. Которая оказалась в разы отважнее меня и, не раздумывая, согласилась отдать свою жизнь за того, кого любила.

Любила ли я вообще когда-нибудь так, как она? Не знаю.

Но сейчас точно было не время об этом думать. Я попробовала скovyрнуть замок цепи вилкой, в результате чего вилка обожгла мне руку и рассыпалась на свои металлические атомы. Пришлось возвращаться к плану А. На скалодром я может и не ходила, но и на оргии тоже, а если выбирать между первым и вторым, из двух зол выигрывал местный скалодром.

Вниз уводила бесконечная, как мне показалось, высота. Это было как пытаться спуститься вниз с десятиэтажки, связав между собой простыни.

«Ты знае-е-еш-ш-шь выход, — зашипело внутри, — откройся мне. Позволь мне заполнить тебя целиком...»

Если раньше я считала, что раздвоение личности — это опасно, то как быть, если внутри тебя разговаривает неодушевленная темная магия? Тут, конечно, к психиатру бы уже, но здесь их не водится. С психологами тоже напряг, так и приходится справляться собой, своими силами.

— Иди в жопу, — посоветовала я ей, понимая, что без нее пойду в жопу я.

Или в мою жопу пойдут, это как получится. Я же не знаю, какие у Адергайна пристрастия.

Ладно. Будем импровизировать.

Я подошла поближе к дверям, даже приложила ухо к одной из тяжелых створок, как будто это могло мне помочь убедиться в том, что меня услышат. Поблизости не стояло никаких ваз, ничего такого, что могло с грохотом упасть, поэтому пришлось ронять высокую металлическую подставку, устроившуюся возле камина. А после эпично падать самой, напоследок звякнув цепями, как Кощей — ребрами.

Валентайн рассказывал мне (а точнее, Ленор, но кто сейчас считает), что когда он сидел в подземельях сразу после своего прибытия в Дарранию, с него раз в несколько дней снимали цепи и позволяли магии равномерно распределиться по телу. Потому что вот эти вот самые оковы нарушают ее течение, изламывают контуры и способны привести к самоуничтожению изнутри. Но то были светлые тюремщики, темные таким не заморачивались. Видимо, Адергайн считал, что я живучая. Или что мои контуры достаточно сложно поломать. Или я не так долго там просидела, как мне казалось.

Как бы там ни было, сработало. Первая часть. Сначала ворвались велиферты, следом за ними — девушки-служанки. Меня подхватили на руки, как следует встряхнули. А, между прочим, после сидения в подземельях не только магическая, но и физическая слабость развивается. Об этом я и сообщила, приоткрыв глаза, когда меня опустили на покрывало кровати под балдахином.

— Магия... — прошептала я. — Видимо... слишком дол-

го в цепях... она меня разрушает...

И снова закатила глаза.

К слову, когда ты в таких цепях, лечить тебя тоже не получится. По крайней мере, магически, поэтому неудивительно, что все забегали. Точнее, рядом со мной остался один из велифертов, второй убежал, девочки-горничные застыли напуганными статуями рядом с кроватью, готовые в любой момент исполнять любой приказ.

Что же касается меня, я терпеливо ждала. Ждала и вспоминала все, чему меня учил Валентайн. Сейчас не до сантиментов, сейчас надо спасти свою задницу. В прямом и переносном смысле. Куда я пойду, я пока не думала, но в перспективе можно добраться до полуразрушенного домика на землях без магии и жить там, как Робинзон Крузо. Охотиться на зайцев... то есть ежерогов, ежекрылов и прочую местную живность. Потом потихоньку ремонт сделаю своими силами. Зря я что ли тете Оле помогала.

Поразительно, но план сработал. Велиферт вернулся на удивление быстро и сообщил, что Адергайн Великий и Ужасный разрешил снять с меня цепи. Еще бы! Никто же не хотел, чтобы запланированное сегодня представление происходило с полудохлой мной.

Стоило последнему сковывающему меня звену разомкнуться, как я собрала все силы и единым ударом с двух раскрытых ладоней ударила в свою стражу. Темная магия не приемлет полутонов, их отшвырнуло к соседней стене, по-

путно они снесли собой часть обстановки и рухнули на пол тряпичными куклами. А вот я поднялась и достаточно быстро, под визг служанок.

Правда, одного моего взгляда хватило, чтобы они замолчали, будто у них разом кончился воздух.

— Сидеть, — скомандовала я, и они послушно присели.

Сама же начала выстраивать координаты портала. С этим было сложнее, это в Даррании я помнила многие места даже без Эвиль, здесь же, в Мертвых землях, мало что знала. Опасность открытия порталов без известных настроенных координат заключалась в том, что можно было выпасть в пропасть или нанизаться на скалу. Но лучше уж на скалу, чем на Адергайна, поэтому я решила рискнуть. В конце концов, я все равно увижу, куда он открылся, надо будет — переделаю в процессе.

Задала первую попавшуюся точку в пространстве, запустила в контуры разрыва магию, увидела, как заискрилось расходящееся пространство, и...

Тут же схлопнулось.

Я мгновенно повторила все то же самое, но стоило portalу начать расходиться, как он снова стянулся в точку и с шипением растаял.

Да что за...

Негромкие аплодисменты заставили меня дернуться назад, формируя новое боевое заклинание.

— На твоём месте я бы этого не делал, Лена, — вошед-

ший Адергайн посмотрел на меня сверху вниз. Как обычно. Пнул ногой безжизненное тело ближайшего к нему велиферта, опрокидывая на спину. — Потрясающе. Мне нравится, во что ты превращаешься.

Разумеется, я его не послушалась. Разумеется, запустила в него искрящимся черным шаром, одним из мощнейших заклинаний, которым меня обучил Валентайн. Но Адергайн даже не стал ставить защиту: шар рассыпался тленом, не пролетев и половины расстояния до него. Правда, тут же собрался в вихрь, магический смерч, взметнувшийся ввысь, а после обрушившийся на меня.

Тут и сказочке конец, ну а Леночке звездац.

Это была моя первая мысль, но вихрь просто спеленал меня по рукам и ногам, как смертоносный кокон. Нет, он меня не касался, но если бы я дернулась в сторону, хотя бы на миллиметр, его шипящие черные ленты вонзились бы в мое тело. Что со мной станет после этого, проверять не хотелось.

— Никогда не пытайся справиться со мной с помощью Тьмы. Она давно стала моей сутью. — Адергайн усмехнулся, приближаясь ко мне. — Знаешь, что самое интересное? Ты тоже так можешь. Просто откройся ей.

— Это была проверка. — Я проигнорировала его слова про «можешь» и все эти мотивирующие лозунги из Мертвых земель. — Ты хотел посмотреть, смогу ли я убить, чтобы избежать...

— В целом да, мне стало интересно, и увиденное меня

определенно радуется. Но наше с тобой событие, — он приблизился ко мне, сейчас нас разделял только клубящийся смерч, — вовсе не отменяется. Увидимся вечером, Лена.

— Не событие, а соитие, — кинула я ему в спину единственным, что у меня осталось. Жаль, это был не топор.

Адергайн не обернулся. Я же торчала в черном коконе еще минут десять, пока не появились новые велиферты. Их было восемь, и те двое, что занимались телами товарищей, смотрели на меня крайне неодобрительно. Что же касается остальных, они занялись цепью и мной. У одного в руках оказался ошейник, который на меня надели, стоило смерчу рассыпаться, на этот раз цепь прикрепили к нему.

Потом меня украшали, одевали, причесывали: с распущенными длинными волосами, подхваченными на затылке заколкой в виде короны с острыми зубцами, в струящемся серебристо-полупрозрачном платье я напоминала не то фею из детской сказки, не то ночную бабочку из сказок для взрослых. Не знаю даже, кого больше.

В таком виде меня и сопроводили в зал для церемоний, и, когда велиферты распахнули двери, у меня перехватило дыхание. Потому что здесь собралось, похоже, все темное королевство.

Глава 7

Женевьев

Мир не рухнул. Опять. Просто стал более тусклым по сравнению с тем, каким он был, когда в ее жизни появился Ярд Лорхорн. К счастью, сегодня у нее хотя бы не было занятий в Академии, а, значит, не надо было снова смотреть ему в глаза. Теперь уже просто как адепту, ученику. Она надеялась провести время в приюте, закопавшись в документы и расчеты, полностью погрузиться в них, но не получилось. Стоило ей оказаться в своем кабинете, сесть за стол, как в дверь постучали.

— Женевьев.

— Азарта, — она поднялась навстречу директрисе. — Что-то случилось?

— Да, — женщина покачала головой. — Я не хотела тебе говорить, потому что у тебя и так было много забот, но...

— Но?

— Двое наших попечителей отказались продолжать с нами сотрудничество.

— Почему?! — Женевьев вскинула брови.

— Якобы их внутренние проверки показали, что их магия уходит не на нужды приюта.

— Они намекают на то, что здесь подворовывают?!

— Я бы сказала, не намекают, — Азарта грустно улыбну-

лась. — Говорят прямым текстом. Но ты знаешь, что у меня все документы в порядке, ты сама их проверяла...

— Прекрати, — перебила ее Женеvьев. — Никаких оправданий. Если эти так называемые мужчины решили прекратить финансирование и у них не хватило смелости прямо сказать, что они больше не готовы отдавать свои средства, это еще не значит, что мы должны перед кем-то оправдываться. Особенно ты. Пока что я располагаю достаточной магией, чтобы содержать нас, даже если больше никого не останется.

— Спасибо, — прямо произнесла женщина. — Спасибо, что веришь в меня.

Женеvьев передернула плечами, представив, что двое здоровых и на первый взгляд вполне адекватных мужчин могли найти себе такое оправдание и обвинить женщину, чтобы скрыть — что? Собственную жадность? Но за ними такое вроде никогда не водилось. Тогда почему это произошло? Несостоятельность? Проблемы с магией?

— Я с ними переговорю, — решительно произнесла она. — Заставлю извиниться. И сегодня же пошлю за накопителем в банк.

— У нас хватает средств, — Азарта покачала головой. — Так что это не срочно, но... есть кое-что еще.

— Что?

— Речь пойдет про Элию.

— Девочку Валентайна?

Женевьев сначала спросила, и только потом до нее дошло. Валентайн Альгор собирался ее удочерить. Он не просто приходил к ней с подарками, фактически, он долгое время был опекуном ребенка, даже не забирая ее к себе. В суете случившегося она совершенно о ней забыла. О том, что она чувствует. О том, что она пережила. Как и все дети, рано лишившиеся родителей и семейного тепла, Элия была достаточно закаленной и стойко переносила невзгоды. Справлялась самостоятельно. Но что она испытывает теперь, когда, будучи в шаге от семейного счастья, снова осталась одна?! Да еще и...

— Что ей рассказали?! — довольно резко спросила Женевьев.

— Правду, — Азарта пожала плечами. — Дракона в комнате не утаишь, она так или иначе узнала бы. Ты же знаешь, какими жестокими бывают дети, а здесь у нас многие Элии еще и завидовали, как и всем, кого собираются принять в семью. Ей бы и так все расписали в красках, поэтому я поговорила с ней лично. Все рассказала. Без подробностей, конечно, обо всех этих смертях, но все.

Женевьев прикрыла глаза.

— Что с ней?

— Об этом я и хотела поговорить. Сначала все было вроде неплохо... но сейчас она отказывается есть. На занятиях сидит с отсутствующим видом, играть с другими отказывается.

Глубоко вздохнув, Женевьев потеряла заледеневшие руки.

— Где она?

— В общей спальне. Занятия у ее группы сегодня после обеда, все играют во дворе. Кроме нее.

— Я схожу к ней. — Женеьев кивнула. — Надо было раньше сказать, Азарта.

— Я думала, что она справится, — директриса опустила глаза. — Но потом...

Ладно. Что произошло, то произошло. Сделанного не вернешь, поэтому Женеьев лишь коснулась ее плеча и быстро вышла из кабинета. Знакомой дорогой поднялась в спальню к младшим девочкам, расположенную на втором этаже, толкнула дверь.

И вдруг испытала чувство острой, колющей безысходности. Ведь столько раз здесь бывала, а еще знала, сколько всего вложено в удобные, стоящие рядами кровати с новыми матрасами, подушками, одеялами. С постоянно обновляющимся постельным бельем. На стенах здесь устроились уютные солнечные пейзажи, а большие окна всегда вовремя мыли — и не воспитанницы, как в других приютах, которых «приучали к труду». Нет, здесь этим занимались горничные, поэтому в портьерах не было ни грамма пыли, как и на тумбочках, полочках и где бы то ни было еще. Тем не менее вид одинокой детской фигурки на полностью застеленной кровати заставил сердце болезненно сжаться.

Элия была уже в форме, аккуратно причесана, но лежала, сжавшись в комочек, и даже не пошевелилась, когда вошла

она.

— Элия, — позвала Женеьев.

Девочка резко обернулась и села. Автоматически, как на-
питанная магией кукла.

— Здравствуйте, Женеьев.

Между ней и воспитанниками всегда существовало
негласное правило: называть ее только по имени, это прави-
ло Женеьев ввела с самого первого дня знакомства, и ей это
казалось правильным. Лишние дистанции этим детям ни к
чему, а к официальности они еще во взрослой жизни при-
выкнут.

— Здравствуй. Я присяду. Можно? — Женеьев кивнула
на кровать, и девочка покорно подвинулась.

— Да, конечно. Вы здесь потому, что я стала хуже учиться?

— Нет. Не поэтому, — Женеьев покачала головой. —
Просто хотела узнать, как ты.

Элия взглянула на нее:

— А вы ведь были там, да? Вы все видели?

К такому вопросу Женеьев оказалась не готова, поэтому
растерялась. Но еще больше она оказалась не готова к тому,
что последовало далее:

— Он правда... убил их всех? Просто превратил в пыль,
как ничего не значащий мусор? А еще чуть не убил младше-
го тэрн-ара. Сбросил его с крыши, и он почти умер, но его
спасли вы. И если бы не Лена, он убил бы всех?

— Откуда ты все это знаешь?! — пораженно выдохнула она.

— Ну я же не в пустоте живу, — Элия пожала плечами. — Остальные тоже. Все что-то узнают через кого-то. Рассказывают. Тэрна Вастерова очень старалась пощадить мои чувства, но их не надо щадить. Я хочу знать правду. Я хочу знать все.

— И что тебе даст эта правда? — Женевьев заглянула ей в глаза.

— Понимание.

— Понимание чего?

— Что тот, кого я любила, стал монстром, и уничтожил людей и драконов просто так. Что он бросил меня, потому что я стала ему не нужна. Что ему теперь все равно, что будет со мной, даже если меня сотрут с лица земли темные! — Элия выдохнула это быстро-быстро, а потом утерла рукавом слезы, выступившие у нее на глазах. — Это из-за нее? Из-за этой Лены он стал таким! Потому что до нее он был нормальным. Он меня любил!

— Боюсь, что не все так просто, Элия, — Женевьев накрыла рукой маленькую ладонь.

— А что тут сложного?! — всхлипнула девочка. — Если все так и есть!

— Мы не становимся плохими или хорошими из-за кого-то и ради кого-то. Иногда нам очень хочется в это верить, но выбор всегда делаем только мы сами. Кем нам быть. Как

поступить. Что сделать. Другие люди или драконы могут на нас повлиять, но решение все равно принимаем мы. — Женевьев отбросила некстати пришедшие мысли про Ярда. — Это мы говорим жестокие слова или слова любви. Это мы убиваем или спасаем. Единственное исключение — когда мы находимся под заклинанием подчинения чужой воле, но это исключение. И вряд ли Валентайн Альгор находился под ним, когда сделал свой выбор.

— Значит, он просто стал монстром.

Женевьев глубоко вздохнула. Когда она шла сюда, она ожидала, что ей придется утешать маленькую девочку, но Элия не искала утешения или жалости. Она хотела объяснений, а ко взрослым разговорам с ребенком не так уж просто подготовиться. Даже когда эти самые разговоры гораздо более простые, например, откуда дети берутся. Но этот...

— Валентайн Альгор — не монстр, — произнесла Женевьев. — Он темный. Это разное.

Элия моргнула.

— Но все вокруг называют его монстром. Все говорят, что меня хотел удочерить монстр!

— Представь, что ты родилась с абсолютным отсутствием чувств. С пустотой внутри. С пониманием, что другим может быть больно, но отсутствием сопереживания. С могуществом, столь сокрушительным, что тебе каждый день приходится думать только о том, как не позволить ему прорваться в мир.

Женевьев не была знакома с Альгором достаточно хорошо, но с Сезаром они были друзьями. По крайней мере, друзьями они точно были, и о том, что такое темная магия, она знала не понаслышке.

— Представь, что ты воспринимаешь этот мир по-другому. Не так, как все, кто тебя окружает. Представь, что долгие годы ты живешь среди них, но чувствуешь себя чужим.

— Ты хочешь сказать, что Валентайн не монстр? Но почему он тогда не вернулся за мной? Почему не забрал с собой?

— А ты бы хотела оказаться в Темных землях? Ты, такая яркая, такая живая — в мире, где нет места чувствам и жизни. Где пустота и тьма затягивают в свои объятия, с каждым днем все сильнее? Никогда больше не увидеть Дарранию, Хэвенсград, всех, кого знаешь?

Элия замотала головой.

— Теперь ты понимаешь.

— Он не забрал меня с собой, потому что...

— В Темных землях тебе не было места, Элия. Потому что там тебе было бы опасно. Потому что ты такая маленькая, хрупкая и беззащитная, а он меньше всего на свете хотел бы, чтобы ты подвергалась опасности. И еще меньше — причинить тебе вред из-за собственного ужасного могущества.

— Значит, он все-таки меня любит? — В ее глазах сверкнула надежда.

Когда-нибудь она вырастет и все поймет. Когда-нибудь ей больше не нужны будут слова взрослых о том, что она важна

и бесконечно ценна. Но сейчас, пока в ее глазах и в ее сердце столько отчаяния, смешанных с надеждой, важно каждое слово. Поэтому каждое слово нужно подбирать так осторожно. Поэтому Женеьев сейчас чувствовала себя как в лабиринте магических ловушек. Между полуправдой и ложью, между желанием уберечь и в то же время сделать так, чтобы Элия смогла продолжать жить, не цепляясь за прошлое.

— Думаю, да. Так, как он умеет.

— Темные умеют любить?

Женеьев пожала плечами.

— Не знаю.

— Но вы собирались замуж за того, кто наполовину темный.

— Так, а вот это уже совсем личные вопросы, — строго произнесла она, и девочка смутилась.

— Простите.

— Прощаю. Но давай не будем переходить на личности.

Элия кивнула и, когда Женеьев поднялась, произнесла:

— Спасибо.

— На радость. Не хочешь пойти погулять к остальным?

Девочка снова замялась:

— Не знаю. Может быть. Не сейчас.

Давить на нее сейчас было бы слишком, но главное — сейчас Элия выглядела гораздо более оживленной и вроде бы не хотела забираться обратно в свой кокон сразу после того, как она выйдет за дверь. Поэтому Женеьев лишь кивнула и

направилась к выходу.

— И все-таки... кого можно считать монстром? — ударил ей в спину очередной детский вопрос. — Я всегда думала, что когда ты убиваешь, ты становишься монстром. Но вы говорите, что нет.

Да, в следующий раз перед тем, как идти к маленькой девочке с утешениями, надо основательно подготовиться.

— Я лишь говорю, что восприятие мира у всех очень разное, — обернувшись, ответила она. — И что мир не делится на черное и белое. Убийство — это ужасно, и в мире существует много ужасных вещей. Это правда. Но правда так же и в том, что еще существует много всего прекрасного. От того, что кто-то совершает ужасный поступок, добро, которое он делал, не отменяется. Не отменяется внимание и забота о тебе, не отменяется множество светлых моментов, которые остались в прошлом. Да, это не оправдание, но «монстр» — это клеймо, которое разрушает. Перечеркивает все, что было. Не оставляет надежды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.